
Виктория Северина
РАЗВОД
Всё моё!
Ты ведь не работала.

Виктория Северина

Всё моё! Ты ведь не работала!

«Литнет»

2026

Северина В.

Всё моё! Ты ведь не работала! / В. Северина — «Литнет», 2026

— Всё моё, ты ведь не работала! — заявил муж, пока его любовница выбирала, какую мебель выбросить из нашей гостиной. А потом предложил мне переехать к его матери, чтобы я и после развода продолжала за ней ухаживать.Мне пятьдесят четыре. Тридцать два года я была хорошей женой, растила дочь, заботилась о свекрови и создавала уют в нашем доме. Муж просил меня не выходить на работу, уверял, что мы одна семья и у нас всё общее.Теперь у него молодая любовница, а у меня, оказывается, нет ничего. Даже собственная дочь просит не спорить с отцом — ведь он обещал помочь ей купить квартиру.Павел уверен, что я поплачу, подпишу его бумаги и тихо исчезну из его новой счастливой жизни.Но однажды он сам придёт ко мне просить о помощи. И тогда мне придётся решить, заслуживает ли её мужчина, который оценил тридцать два года моего труда в ноль.

© Северина В., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Ты ведь не работала 5
Глава 2. Что разрешено забрать 15
Глава 3. Комната у его матери 30
Глава 4. Я ничего не подпишу 45
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Глава 1. Ты ведь не работала

Ирина поставила сумки на заднее сиденье машины и с облегчением выпрямилась. Спина за сегодняшний день разболелась так, что хотелось поскорее оказаться дома, снять туфли и хотя бы полчаса посидеть с книгой. Впрочем, прежде предстояло приготовить ужин, разобрать продукты и позвонить Зое Павловне, которая непременно обнаружит какую-нибудь забытую мелочь. Свекровь уже трижды звонила ей за последние два часа, хотя расстались они совсем недавно. Сначала выясняла, куда Ирина положила результаты обследования, потом спрашивала, можно ли принимать новые таблетки вместе со старыми, а в последний раз просто сообщила, что за окном собирается дождь. Ирина терпеливо выслушала её, напомнила про записку на холодильнике и пообещала вечером перезвонить. Теперь, усаживаясь за руль, она подумала, что неплохо бы хотя бы несколько дней никуда не ездить.

Сентябрь выдался на редкость тёплым. Деревья вдоль дороги ещё стояли зелёные, только кое-где среди листвы проступала желтизна, а солнце после обеда припекало совсем по-летнему. Ирина опустила стекло, впуская в машину свежий воздух, и посмотрела на телефон. От Павла не было ни одного сообщения, хотя утром он интересовался, надолго ли она собирается к матери. Ирина ответила, что обследование назначено на одиннадцать, но после него понадобится заехать в аптеку и магазин. Муж тогда рассеянно кивнул, допил кофе и ушёл, оставив чашку на столе. Последнее время он вообще почти не разговаривал с ней по утрам, однако она привыкла объяснять его молчание рабочими заботами.

Впрочем, сегодня Ирина возвращалась раньше, чем собиралась. Зоя Павловна неожиданно отказалась от помощи с обедом, заявив, что прекрасно справится с разогреванием супа, и даже обиделась, когда невестка предложила остаться. Ирина не стала спорить, тем более что сама чувствовала усталость. Ей хотелось воспользоваться освободившимся временем и приготовить что-нибудь вкусное к ужину. Павел любил запечённую рыбу с овощами, а в последнее время они почти не ужинали вместе. Он то задерживался на работе, то встречался с какими-то поставщиками, то возвращался настолько уставшим, что сразу уходил в кабинет. Несколько раз Ирина предлагала выбраться куда-нибудь на выходные, но муж отвечал, что сейчас неудобное время. Сегодня она решила поговорить ещё раз, только спокойно, без обид, которые в последнее время слишком часто возникали между ними.

За тридцать два года брака Ирина хорошо изучила настроение мужа и прежде почти всегда могла определить его по первым словам. Павел никогда не отличался особенной разговорчивостью, зато любил, когда дома всё было устроено так, как ему удобно. Если день складывался удачно, он мог привезти цветы без всякого повода, предложить поехать в ресторан или вдруг вспомнить о каком-нибудь её давнем желании. В плохом настроении становился раздражительным, придирался к мелочам и терпеть не мог вопросов. Раньше Ирина старалась не обращать на это внимания. Она знала, сколько сил муж отдавал работе, и гордилась тем, что сумела создать для него дом, куда приятно возвращаться. Только в последние месяцы ей всё чаще казалось, что возвращаться сюда он больше не особенно хочет.

Когда машина свернула к воротам, Ирина заметила возле гаража незнакомый светлый автомобиль. Павлов стоял внутри, хотя утром муж собирался провести весь день на работе. Она удивилась, но тут же решила, что к нему приехал кто-то из деловых знакомых. Муж давно занимался поставками отделочных материалов, и за годы его работы Ирина привыкла к людям, которые появлялись в доме по самым неожиданным поводам. Иногда Павел приглашал их на обед, иногда просил приготовить кофе и ненадолго оставался с гостями в кабинете. Правда, обычно предупреждал заранее, особенно если собирался принимать кого-нибудь в гостиной. Ирина припарковалась возле крыльца, забрала пакеты с продуктами и вошла в дом, уже прикидывая, хватит ли приготовленного для дополнительного гостя.

Из гостиной доносились голоса. Мужской принадлежал Павлу, а женский Ирина раньше не слышала. Женщина говорила уверенно, с некоторой деловитой поспешностью, будто обсуждала давно согласованные вопросы. Ирина поставила сумки в прихожей, сняла лёгкую куртку и прошла дальше, собираясь поздороваться.

— Нет, этот диван я бы всё-таки убрала, — говорила незнакомка, стоя возле окна с телефоном в руке. — Он красивый, конечно, но уже несовременный. Если делать здесь съёмку, лучше поставить что-нибудь светлое, без этих тяжёлых подлокотников. И кресло надо передвинуть, иначе совсем не видно, какой у вас просторный зал.

Ирина остановилась на пороге. Женщина была заметно моложе её, лет тридцати восьми или сорока, в светлых брюках и тонкой блузке с расстёгнутой верхней пуговицей. Длинные тёмные волосы падали на плечи, на запястье поблёскивали часы, а в другой руке она держала небольшую сумочку. Павел стоял рядом с диваном, засунув одну руку в карман брюк, и внимательно смотрел на экран её телефона. При появлении жены он поднял голову, и выражение его лица изменилось так быстро, что Ирина не успела понять причину. Он словно испугался, а затем сразу рассердился.

— Ой, здравствуйте, — произнесла Ирина, переводя взгляд с мужа на незнакомку. — Я не знала, что у нас гости. Павел, ты бы предупредил, я хотя бы приготовила что-нибудь. Хотите чаю или кофе?

Женщина обернулась, окинула её быстрым оценивающим взглядом и улыбнулась одними губами. Павел почему-то не спешил знакомить их, хотя обычно любил соблюдать такие формальности. Ирина почувствовала себя неловко в своей простой кофте и брюках, в которых весь день ездила по больницам и магазинам. Она машинально пригладила волосы, выбившиеся из причёски, и ещё раз посмотрела на мужа.

— Ира, ты уже приехала? — спросил он, не скрывая неудовольствия. — Я думал, ты до вечера у матери. Ты же говорила, что ей нужно помочь после больницы.

— Я помогла, Паша, — ответила она, всё ещё не понимая его тона. — Мы всё успели, а обедать она захотела сама. Я продукты привезла, сейчас разберу. Ты мне лучше скажи, сколько вас будет к ужину?

Незнакомка едва заметно улыбнулась, но тут же отвернулась к окну. Павел нахмурился и посмотрел на часы, словно жена нарушила какое-то заранее установленное расписание. Затем он повернулся к женщине и негромко произнёс, что съёмку, пожалуй, придётся обсудить позже. Ирина уже собиралась предложить оставить их одних, когда заметила, как муж положил ладонь незнакомке на поясницу. Движение было совершенно естественным, привычным, без малейшей неловкости. Так он касался самой Ирины, когда они стояли рядом на праздниках или встречали знакомых. Женщина не отстранилась и даже чуть придвинулась к нему.

Ирина посмотрела на эту руку, потом на лицо мужа. Несколько мгновений она пыталась найти увиденному простое объяснение. Возможно, Павел хотел пропустить гостью вперёд или просто случайно коснулся её. Но рука оставалась на месте, а женщина смотрела на Ирину с таким выражением, словно ожидала чего-то неприятного и заранее решила проявить терпение. Ирина почувствовала, как у неё похолодели пальцы. Она стояла в дверях собственной гостиной и вдруг не знала, можно ли ей войти.

— Павел, — произнесла она, стараясь говорить ровно. — Ты нас познакомишь? Я, кажется, не совсем понимаю, что здесь происходит.

Муж убрал руку, но не сделал ни шагу в сторону жены. Он посмотрел на женщину, потом на Ирину и шумно выдохнул, словно ему предстояло наконец заняться неприятным делом, которое давно хотелось закончить. Незнакомка сама положила телефон в сумочку и выпрямилась.

— Это Алёна, — сказал Павел. — Мы с ней работаем над одним проектом. И, поскольку ты всё равно уже здесь, нам лучше сейчас поговорить. Я собирался сделать это вечером, когда мы останемся одни.

— О чём поговорить? — Ирина осторожно оперлась ладонью о дверной косяк. — Паша, ты меня пугаешь. Что случилось?

Павел провёл рукой по подбородку, оглянулся на диван и предложил присесть. Он говорил нарочито спокойно, тем голосом, каким обычно объяснял кому-нибудь из знакомых неприятное, но необходимое решение. Ирина не двинулась с места. Ей казалось, что стоит сесть, и произойдёт что-то непоправимое, хотя она совершенно не понимала, чего боится.

— Мы с Алёной вместе, Ира, — наконец произнёс Павел, глядя ей прямо в лицо. — Уже некоторое время. Я не хочу больше ничего скрывать и считаю, что нам с тобой пора разойтись. Мы оба взрослые люди, и устраивать из этого трагедию ни к чему.

Ирина моргнула, ожидая продолжения. Слова дошли до неё не сразу, будто муж говорил на незнакомом языке и требовалось время, чтобы перевести услышанное. Она посмотрела на Алёну, которая теперь старательно рассматривала стоявшую на комоде вазу, потом снова на Павла. Муж был одет в светлую рубашку, которую Ирина погладила вчера вечером. На воротнике она заметила маленькую складку и вдруг вспомнила, как собиралась утром поправить её, но Павел торопился и не позволил задерживать себя.

— В каком смысле вместе? — спросила она, хотя прекрасно поняла сказанное. — Ты хочешь сказать, что у тебя другая женщина? И ты привёл её сюда, ко мне домой?

— Ирина, давай без этих обвинений, — поморщился Павел. — Я никого не привёл, чтобы тебя унизить. Мы обсуждали работу, а ты должна была приехать позднее. Вообще-то я собирался сначала поговорить с тобой. Но раз уж получилось так, не вижу смысла продолжать притворяться.

— Притворяться? — переспросила Ирина и неожиданно почувствовала, как дрожит подбородок. — Ты мне сейчас говоришь, что изменяешь, и называешь это притворством? Павел, мы тридцать два года женаты. Ты хоть понимаешь, что произносишь?

Алёна чуть пошевелилась возле окна. Ирина резко повернулась к ней, и та впервые перестала изображать интерес к обстановке комнаты. На её лице появилось осторожное выражение человека, который рассчитывал на неприятный разговор, но теперь опасался, что тот затянется.

— Ирина, я понимаю, что вам тяжело, — начала она, поправляя волосы. — Но Павел говорил, что у вас давно нет настоящих отношений. Я вообще не хотела вмешиваться в семейные разбирательства, просто мы приехали посмотреть, как лучше организовать помещение. Насколько я поняла, вы уже практически всё обсудили.

— Что мы обсудили? — Ирина сделала шаг вперёд, забыв о неловкости. — Вы мне объясните, пожалуйста, что я обсудила со своим мужем, потому что я впервые об этом слышу. Может быть, вы и о моей жизни знаете больше, чем я сама?

— Ира, прекрати, — вмешался Павел, повышая голос. — Алёна здесь ни при чём. Я сказал ей, что мы разведёмся, и действительно собирался с тобой поговорить. Не надо нападать на человека только потому, что тебе неприятно услышать правду.

— А мне должно быть приятно? — Она почти задохнулась от возмущения. — Я утром тебе завтрак готовила, ты меня спрашивал, когда я вернусь от твоей матери! Ты стоял на нашей кухне, пил кофе и прекрасно знал, что вечером собираешься сказать мне вот это? И теперь ещё удивляешься, что мне неприятно?

Павел раздражённо отвёл глаза. Ирина знала этот взгляд: так он смотрел на неё, когда считал разговор бессмысленным, но был вынужден дослушать. Раньше она обычно старалась поскорее закончить ссору, особенно если муж начинал говорить таким холодным тоном. Сегодня от привычного желания помириться ей становилось только хуже. Она смотрела на

человека, с которым прожила больше половины жизни, и не могла понять, когда он успел превратиться в чужого.

— Я не собираюсь оправдываться за свои чувства, — сказал Павел, снова принимая спокойный вид. — Мы с тобой давно живём по привычке. Ты занимаешься домом, я работаю, вечером каждый сидит в своей комнате. Тебя такой порядок, возможно, устраивал, а меня нет. Я хочу другой жизни, и, по-моему, имею на это право.

— Тогда почему ты мне ничего не говорил? — спросила Ирина, чувствуя, как к горлу подступают слёзы. — Почему не сказал полгода назад, год назад? Я ведь спрашивала, что с тобой происходит. Я предлагала куда-нибудь уехать, провести время вместе. Ты каждый раз отвечал, что устал, что работа, что сейчас не до отдыха. А оказывается, у тебя просто другая женщина.

— Потому что разговоры ничего бы не изменили, — ответил Павел, пожав плечами. — Ты всё равно начала бы плакать, вспоминать прошлое и требовать, чтобы я остался. Сейчас ты делаешь ровно то же самое. Поэтому я и хотел сначала всё обдумать, а потом уже спокойно объяснить тебе своё решение.

Ирина почувствовала, как по щекам потекли слёзы, и с силой вытерла их ладонью. Ей стало стыдно плакать перед Алёной, но остановиться она не могла. В голове всплывали совершенно не связанные между собой воспоминания: Павел с маленькой Алиной на плечах, их первая квартира с облупившимися подоконниками, семейные поездки к морю, недавно отпразднованная годовщина свадьбы. В тот вечер муж подарил ей красивый браслет, поцеловал при дочери и сказал, что они ещё многое успеют. Теперь Ирина мучительно пыталась понять, была ли Алёна уже тогда в его жизни. Она хотела спросить об этом, но испугалась ответа.

Павел между тем прошёл к столу возле дивана и взял тонкую папку. Движения у него были уверенные, словно самое неприятное уже осталось позади и теперь можно переходить к обычным делам. Ирина следила за ним, постепенно приходя в себя. Ей хотелось верить, что после признания он хотя бы попросит прощения, объяснит, почему так поступил, предложит обсудить дальнейшую жизнь без посторонних. Вместо этого муж достал несколько листов и положил их перед ней.

— Я подготовил вариант нашего соглашения, — сказал он, придвигая бумаги к краю стола. — Посмотри, когда немного успокоишься. Думаю, нам обоим выгоднее решить всё без лишних ссор. Я не собираюсь оставлять тебя совсем без денег и уже поговорил с матерью. У неё свободная комната, можешь переехать туда, пока не определишься с дальнейшими планами.

Ирина перевела взгляд на листы. Вверху значились их фамилии, ниже шло перечисление имущества, которое они нажили за годы брака. Она увидела название их загородного дома, городскую квартиру, долю Павла в компании и сумму накоплений. Некоторое время просто смотрела на строчки, не в силах разобраться, что именно предлагается. Потом заметила, что почти всё должно остаться мужу. Напротив её имени была указана небольшая сумма, которую Павел собирался выплатить после подписания соглашения.

— Подожди, — произнесла Ирина и подняла голову. — Я не поняла. Ты хочешь, чтобы я отдала тебе дом? И квартиру тоже? А мне предлагаешь переехать к твоей матери?

— Я ничего не прошу тебе отдавать, — ответил Павел с заметным раздражением. — Я предлагаю разумный вариант раздела. Дом я содержу, квартиру покупал я, бизнес тоже создал сам. Тебе эти вещи не по карману, ты даже не представляешь, сколько стоит их обслуживание. Зачем нам устраивать долгую историю, если можно сразу всё решить?

— Но это ведь наш дом! — Ирина схватила ближайший лист и снова посмотрела на перечисленные названия. — Мы вместе выбирали участок, я занималась всем, пока здесь шли работы. Ты сам говорил, что строишь дом для нас, чтобы мы с тобой спокойно жили, когда Алина вырастет. Мы же собирались здесь старость встретить, Паша! Ты теперь хочешь просто забрать его себе?

— Ира, не надо опять перечислять, что ты где выбирала, — сказал Павел, устало откидываясь на спинку кресла. — Давай говорить о том, кто за всё платил. Ты можешь сколько угодно рассказывать, какие занавески покупала и с кем договаривалась, но деньги приносил я. Причём приносил тридцать с лишним лет, пока ты спокойно занималась домом и ни в чём себе не отказывала.

У Ирины перехватило дыхание. Она посмотрела на бумаги, потом на мужа и вдруг поняла, что речь идёт не только об измене. Павел уже решил, где она будет жить, сколько денег получит и какие вещи сможет оставить себе. Пока Ирина возила его мать по врачам, покупала продукты и думала, что приготовить вечером, муж составлял план, в котором для неё не оставалось места в собственном доме. От этого открытия ей стало физически дурно. Она опустилась в кресло, сжала руками подлокотники и несколько секунд пыталась справиться с головокружением.

— Павел, ты же сам не хотел, чтобы я работала, — сказала она наконец, стараясь не сорваться. — Когда Алина родилась, ты просил меня остаться дома. Помнишь, как она болела и я почти не спала ночами? Потом ты начал своё дело и говорил, что тебе нужна спокойная семья, потому что на работе хватает забот. Когда дочь подросла, я хотела вернуться в библиотеку, а ты сказал, что моя зарплата ничего не изменит. Ты ведь сам это говорил, Паша!

— Я говорил, что нам не нужны лишние трудности, — возразил Павел. — И был прав, между прочим. Ты жила вполне обеспеченно, занималась ребёнком, потом домом. Кто тебе мешал устроиться на работу позже, когда Алина выросла? Я что, запирал тебя? Запрещал выходить из дома?

Ирина открыла рот и не сразу нашла ответ. Он действительно никогда не запирал её, не отбирал документы и не произносил прямых запретов. Но она прекрасно помнила, как он обижался на разговоры о работе, как спрашивал, кому она собирается поручить ребёнка, кто будет встречать его деловых знакомых, а позднее — кто займётся заболевшей матерью. Павел умел так объяснять свои пожелания, что любое другое решение выглядело эгоизмом. Ирина уступала не потому, что не хотела работать, а потому, что верила: они вместе устраивают жизнь, в которой каждому отведено своё место.

— А твою мать кто должен был возить по больницам? — спросила она, чувствуя, как голос снова начинает дрожать. — Ты хоть раз за последние годы взял отгул, чтобы отвезти её на обследование? Я ведь сегодня целый день с ней провела. Утром ещё заехала за продуктами, потом два часа просидела в очереди. А когда я хотела найти хотя бы работу на полдня, ты говорил, что мне будет трудно всё успевать. Ты сам просил меня не торопиться.

— Не надо делать из себя мученицу, — отрезал Павел. — Мать тебя любит, вы прекрасно ладите, и ты сама всегда соглашалась помогать. Если бы тебе это было так тяжело, могла бы сказать. Не нужно теперь превращать обычные семейные дела в какие-то подвиги.

— Обычные семейные дела? — Ирина поднялась так резко, что кресло скрипнуло по полу. — Ты называешь это обычными семейными делами? Я не помню, когда последний раз могла спокойно уехать на целый день, не думая, кому надо позвонить, что купить и кого куда отвезти! Даже сегодня я сначала подумала, успею ли приготовить тебе ужин, а уже потом — о том, что сама устала. И ты теперь говоришь, будто я все эти годы просто отдыхала?

Алёна негромко кашлянула. Ирина повернулась к ней, и женщина, до этого стоявшая возле окна, наконец прошла к дивану. На её лице появилась та самая снисходительная осторожность, с которой иногда разговаривают с человеком, слишком бурно реагирующим на неприятные новости. Она села на самый край, поправила брюки и посмотрела на Павла, словно спрашивая разрешения вмешаться.

— Ирина, простите, но ведь никто не говорит, что заниматься домом совсем легко, — произнесла Алёна, стараясь говорить мягко. — Просто Павел действительно много работал и обеспечивал семью. Мне кажется, сейчас вам стоит подумать, как устроить собственную жизнь,

а не пытаться выяснять, кто сколько сделал много лет назад. Вы же взрослая женщина и наверняка сможете найти себе какое-нибудь занятие.

Ирина несколько секунд смотрела на неё, не веря услышанному. Эта женщина сидела на диване, который они с Павлом выбирали вместе, и советовала ей заняться собственной жизнью. На журнальном столике лежал плед, который Ирина купила прошлой осенью, рядом стояли фотографии дочери и мужа. Алёна говорила так, словно всё это уже принадлежало ей, а прежняя хозяйка лишь задержалась с отъездом. Ирина почувствовала такой прилив ненависти, что испугалась собственного желания схватить лежащую на столе вазу и швырнуть её в гостью.

— А вас я вообще не спрашивала! — выкрикнула она, указывая на дверь. — Вы пришли в мой дом, стояли здесь с моим мужем, обсуждали, какой диван выбросить, и теперь будете объяснять мне, как жить? Вы хоть понимаете, насколько это мерзко? У вас совсем совести нет?

Алёна вспыхнула и обиженно выпрямилась. Павел поднялся с кресла и шагнул к Ирине, будто собирался физически остановить её. Она отступила на полшага, но продолжала смотреть на любовницу, которой внезапно стало очень неприятно слушать обвинения.

— Ирина, немедленно прекрати, — жёстко сказал Павел. — Алёна не обязана терпеть твои оскорбления. Она пришла сюда со мной и ничего плохого тебе не сделала. Если хочешь с кем-то выяснять отношения, выясняй со мной, но я не позволю устраивать здесь истерику.

— Ничего плохого не сделала? — Ирина рассмеялась, но смех сразу оборвался рыданием. — Она спит с моим мужем, собирается поселиться в моём доме и ничего плохого не сделала? Паша, ты вообще себя слышишь? Ты её защищаешь от меня! Меня, твою жену, ты просишь не обижать женщину, с которой мне изменяешь!

Павел поморщился и снова отвёл глаза. Ирина увидела, что ему стыдно не за происходящее, а за её громкий голос. Он терпеть не мог скандалов, особенно когда считал, что все вопросы уже решены. В делах эта черта нередко помогала ему: Павел умел настоять на своём, обескуражить собеседника уверенностью и заставить согласиться с условиями, которые ещё недавно вызывали возражения. Ирина прежде даже восхищалась его способностью добиваться результата. Теперь она оказалась по другую сторону этой уверенности и впервые поняла, насколько тяжело спорить с человеком, который заранее считает твои доводы несущественными.

— Давай вернёмся к делу, — сказал муж, когда она замолчала. — Я понимаю, что тебе неприятно, но решение принято. Я хочу жить с Алёной, и это не изменится от того, сколько лет мы с тобой провели вместе. Дом мне необходим, потому что мы собираемся использовать его для работы. Городскую квартиру я тоже оставлю себе, там удобнее жить в первое время. Ты получишь деньги, а мать будет рада, если ты поживёшь у неё.

Ирина посмотрела на него с неподдельным ужасом. Ещё утром она думала о нескольких днях отдыха вдвоём, а теперь муж предлагал ей переехать в маленькую комнату к пожилой женщине, которой требовалась постоянная помощь. Причём говорил об этом как о хорошем решении, заслуживающем благодарности. Ирина представила узкую кровать возле шкафа, старые занавески и Зою Павловну, которая будет просить утром приготовить кашу, потом сходить в аптеку, затем вызвать врача. И всё это после того, как её собственный муж останется в просторном доме с новой женщиной.

— Ты хочешь, чтобы я жила у твоей матери? — переспросила она, невольно переходя на шёпот. — Чтобы ухаживала за ней, пока ты будешь жить здесь с Алёной? Ты уже и с мамой договорился, да? А меня даже не спросил, хочу ли я там находиться.

— Мать сама предложила, — ответил Павел, заметно оживившись от возможности объяснить практическую сторону вопроса. — Она сказала, что ей будет спокойнее, если ты окажешься рядом. У вас хорошие отношения, и вам обеим будет удобно. Я, разумеется, стану помогать с продуктами и необходимыми расходами. Не понимаю, что тебя опять не устраивает, если честно.

— Ты не понимаешь? — Ирина прижала ладонь ко лбу, стараясь справиться с подступающей головной болью. — Паша, мне пятьдесят четыре года. Я всю жизнь прожила с тобой, родила тебе дочь, занималась нашим домом и твоей матерью. А теперь ты нашёл себе другую женщину и предлагаешь отправить меня к маме, чтобы я продолжала за ней присматривать. Ты хотя бы минуту подумал обо мне?

— Я только этим и занимаюсь, — с раздражением ответил Павел. — Думаю, как сделать так, чтобы ты не оказалась без денег и жилья. Большинство мужчин в такой ситуации вообще не стали бы ничего предлагать, а я заранее обо всём позаботился. Ты вместо благодарности кричишь на меня при постороннем человеке.

Ирина посмотрела на него так, словно впервые увидела. В лице Павла не было ничего незнакомого: те же немного поседевшие волосы, привычная складка между бровями, небольшая родинка возле подбородка. Она помнила, каким молодым он был, когда они женились, как волновался перед рождением дочери и как однажды просидел всю ночь возле её постели во время тяжёлой болезни. Все эти воспоминания продолжали существовать, и оттого происходящее казалось ещё страшнее. Ирина не могла просто объявить тридцать два года ошибкой, потому что слишком хорошо помнила, сколько хорошего между ними действительно было. Ей хотелось схватить Павла за плечи, заставить вспомнить всё это и хотя бы на минуту перестать рассуждать о деньгах.

— А если я не соглашусь? — спросила она после долгого молчания. — Если скажу, что не хочу никуда переезжать и ничего подписывать? Ты ведь не можешь просто выгнать меня из дома, в котором мы прожили столько лет.

Павел внимательно посмотрел на неё, и Ирина заметила, как напряглось его лицо. Он не ожидал такого вопроса, вернее, надеялся, что до него дело не дойдёт. Муж взял со стола бумаги, аккуратно выровнял их и снова положил перед женой, будто показывал, насколько всё уже продумано.

— Я бы очень не хотел доводить дело до неприятных разбирательств, — произнёс он, тщательно подбирая слова. — Ты можешь, конечно, начать спорить, обращаться к кому угодно и тратить деньги, которых у тебя нет. Только в результате всё равно придётся договариваться. Я предлагаю тебе нормальную сумму и возможность спокойно устроиться. Зачем превращать развод в войну, если мы можем расстаться по-человечески?

— По-человечески? — Ирина почувствовала, как к щекам снова приливает кровь. — Ты привёл любовницу в наш дом, собираешься оставить меня без всего и называешь это человеческим отношением? Да ты даже не извинился! За всё время ни разу не сказал, что тебе жаль.

Павел тяжело вздохнул, словно жена наконец добралась до самой утомительной части разговора. Он поднял глаза к потолку, затем снова посмотрел на Ирину и развёл руками. Алёна молчала, но по выражению её лица было видно, что происходящее уже начинает раздражать и её.

— Хорошо, Ира, мне жаль, что всё получилось именно так, — сказал Павел. — Но это не значит, что я должен отказаться от собственного будущего. Я содержал тебя больше тридцати лет, покупал всё необходимое, оплачивал отдых, одежду, лечение, образование дочери. Ты ни в чём не нуждалась и могла заниматься чем угодно. Сейчас мы расстаёмся, и было бы справедливо признать, кто всё это время обеспечивал семью.

Ирина медленно опустилась обратно в кресло. Ей хотелось ответить сразу на всё, напомнить про бессонные ночи, детские болезни, бесконечные домашние хлопоты, про то, как сама ездила встречать его деловых гостей, когда он не успевал, как отменяла собственные планы ради его матери. Но каждое воспоминание казалось мужу несущественным, и от этого становилось почти невозможно говорить. Павел смотрел на неё с уверенностью человека, который уже изложил окончательный довод. Он действительно считал, что купленные продукты, оплаченные поездки и счета позволяют перечеркнуть всё остальное.

— Ты ведь понимаешь, что я могла работать? — тихо спросила она, с трудом проглатывая слёзы. — Я любила библиотеку, Паша. Мне нравилось общаться с людьми, заниматься книгами, я даже собиралась учиться дальше. Ты говорил, что нам будет лучше, если я останусь дома. Я верила тебе, потому что мы были семьёй. Разве можно теперь делать вид, будто я просто ничего не хотела?

— Ты могла работать, если бы действительно захотела, — ответил Павел, пожав плечами. — Не нужно теперь перекладывать на меня собственные решения. Я никогда тебе ничего не запрещал, а обеспечивал всем необходимым. У тебя была спокойная жизнь, о которой многие женщины только мечтают. И потом, Ира, давай говорить откровенно. Всё это время ты ведь не работала.

Последние слова он произнёс без злости, почти снисходительно, и именно это окончательно вывело Ирину из себя. Она вскочила, схватила со стола первый попавшийся лист и смяла его в кулаке. Павел тоже поднялся, а Алёна от неожиданности отодвинулась к краю дивана.

— Да хватит! — закричала Ирина, уже не заботясь о том, кто её слышит. — Хватит повторять, что я не работала! Кто растил твою дочь, пока ты пропадал неделями? Кто ухаживал за твоей матерью? Кто занимался домом, покупками, твоими гостями, всеми праздниками, когда ты даже не помнил, у кого день рождения? Я, Павел! Я всё это делала! И ты прекрасно знаешь, почему я не вышла на работу!

— Прекрати орать! — рявкнул он, теряя терпение. — Я не намерен слушать этот бесконечный список твоих заслуг. Все женщины занимаются семьёй, и никто не требует за это половину жизни мужа. Ты хочешь убедить меня, что готовка ужинов равноценна тому, как я работал и зарабатывал деньги? Не смеши меня, пожалуйста.

Ирина замахнулась смятым листом, будто собиралась бросить его мужу в лицо, но рука остановилась на полпути. Ей было страшно от собственной ярости, от желания ударить человека, которого она ещё утром собиралась обнять за ужином. Она разжала пальцы, и бумага упала на ковёр. Павел смотрел на неё с брезгливым раздражением, словно этот всплеск окончательно подтвердил правильность принятого им решения. Ирина заметила, что Алёна тихонько поправила волосы и снова взяла телефон. Любовница уже успокоилась, потому что муж явно не собирался уступать жене.

— Я не буду сейчас ничего подписывать, — сказала Ирина, заставив себя произнести слова достаточно отчётливо. — Я вообще не знаю, как мне с тобой разговаривать после всего этого. Ты можешь сколько угодно считать себя правым, но я не собираюсь за один вечер решать, где буду жить и что мне позволено забрать. Мне нужно подумать, и я хочу, чтобы вы оба сейчас ушли из этой комнаты.

Павел несколько секунд смотрел на неё, потом наклонился и поднял упавший лист. Он разгладил бумагу ладонью, положил поверх остальных документов и снова сложил всё в папку. Ирина заметила, как тщательно он выравнивает уголки, и почувствовала новый приступ злости. Муж был способен аккуратно заботиться о своих бумагах в ту самую минуту, когда она не могла удержать слёз.

— Ладно, сегодня всё равно ничего толкового не получится, — сказал он, обращаясь скорее к Алёне, чем к жене. — Я оставлю документы здесь, посмотришь их завтра на свежую голову. Только не начинай звонить Алине посреди ночи и рассказывать ей неизвестно что. Дочь у нас взрослая, ей совершенно незачем участвовать в твоих переживаниях.

— А она знает? — Ирина резко подняла голову. — Павел, Алина знает про тебя и Алёну? Ты уже успел и с нашей дочерью всё обсудить?

Муж замялся всего на мгновение, но этого хватило. Ирина увидела ответ прежде, чем он заговорил, и почувствовала, как её снова охватывает слабость. Получалось, что не только любовница, но и собственная дочь уже участвовала в разговорах о том, что будет после её

развода. Сколько людей знали о происходящем, пока она ничего не подозревала, Ирина даже боялась представить.

— Я говорил с Алиной о том, что наши отношения давно изменились, — ответил Павел, стараясь вернуть спокойный тон. — Она взрослая женщина и прекрасно понимает, что люди иногда расходятся. Не надо теперь обвинять и её, только потому что тебе тяжело принять действительность. Лучше дай ей спокойно жить, у неё собственных забот хватает.

Ирина закрыла глаза и приложила пальцы к вискам. Она очень хотела спросить, что именно сказала дочь, поддержала ли отца, видела ли Алёну, знала ли об этой женщине ещё до сегодняшнего дня. Но сил на новый разговор уже не оставалось. Она чувствовала себя так, будто весь день таскала тяжёлые сумки, только теперь тяжесть приходилась не на руки, а на грудь. Когда Ирина снова открыла глаза, Павел уже складывал телефон в карман и что-то негромко говорил любовнице.

— Я поеду, — сообщила Алёна, поднимаясь с дивана. — Думаю, вам действительно нужно разобраться без меня. Павел, позвони мне вечером, когда освободишься, ладно? Нам ещё надо обсудить мебель и сроки.

Она произнесла последние слова совершенно естественно, словно присутствовала при обычном деловом недоразумении. Ирина смотрела, как Алёна берёт сумочку и направляется к двери, и с мучительной ясностью понимала: эта женщина сейчас уедет по своим делам, а вечером будет разговаривать с её мужем. Возможно, он станет жаловаться ей на упрямство жены, рассказывать, как трудно договориться о разводе, как много неприятностей доставляет Ирина. Она представила, как Алёна сочувственно слушает Павла и успокаивает его, и от этого стало так тошно, что пришлось отвернуться.

Павел проводил любовницу до прихожей. Ирина осталась в гостиной и слышала их приглушённые голоса, короткий смешок женщины, негромкое обещание мужа позвонить. Затем хлопнула входная дверь, и спустя минуту Павел вернулся. Он остановился возле стола, осмотрел гостиную и нахмурился, заметив, что Ирина не двигается с места. Взгляд его задержался на кресле у окна, на фотографиях и большой вазе, которую когда-то привезли из совместного отпуска.

— Кстати, Ира, я хотел ещё кое-что попросить, — сказал он, словно предыдущий разговор уже закончился. — Раз уж мы всё равно будем здесь что-то менять, составь, пожалуйста, список по дому. Где хранятся документы на технику, кому звонить по обслуживанию, какие платежи приходят и когда. Алёна потом во всём разберётся, но зачем ей тратить время, если ты это прекрасно знаешь?

Ирина медленно повернула голову. Она не сразу поняла, что муж действительно обращается к ней с обычной хозяйственной просьбой. Павел стоял посреди комнаты, в которой только что объявил об измене и разводе, и ждал, что жена поможет любовнице освоиться. Ему даже не пришло в голову, что она может отказаться. Ирина несколько секунд смотрела на его лицо, ожидая, что он хотя бы заметит нелепость собственных слов.

— Ты хочешь, чтобы я объяснила твоей любовнице, как пользоваться нашим домом? — спросила она, чувствуя, как голос становится неожиданно тихим. — Чтобы она не тратила времени и спокойно здесь устроилась? Паша, ты сейчас серьёзно меня об этом просишь?

— Я прошу не устраивать сложности там, где их можно избежать, — ответил он с раздражением. — Ты ведь всё равно будешь собирать свои вещи. Можно заодно привести бумаги в порядок, чтобы потом не дёргать тебя по каждому вопросу. Я, между прочим, стараюсь сделать так, чтобы мы расстались нормально.

Ирина вдруг вспомнила, что утром положила мужу в сумку небольшой контейнер с домашними пирожками. Он жаловался, что в последнее время не успевает нормально обедать, и она с вечера приготовила его любимую начинку. Теперь ей захотелось спросить, кому достались эти пирожки, не ел ли их Павел вместе с Алёной, пока они обсуждали, какую мебель

выбросят из гостиной. Мысль была мелкой и мучительной, но почему-то именно она заставила Ирину снова заплакать. Столько лет она заботилась о подобных пустяках, считая, что этим проявляет любовь, а муж воспринимал их как нечто неизменное, что должно продолжаться даже после его ухода к другой женщине.

— Я ничего для Алёны делать не буду, — ответила Ирина, вытирая мокрые щёки. — И списков никаких составлять не собираюсь. Хочешь узнавать, где что находится, разбирайся сам. Я больше не хочу сегодня с тобой разговаривать, Павел. Просто оставь меня в покое.

Муж недовольно поджал губы. Он привык, что Ирина могла вспылить, но затем всё равно находила способ выполнить необходимое, особенно когда речь шла о доме. На этот раз она не стала ни объяснять отказ, ни предлагать помощь позже. Павел ещё несколько секунд стоял возле стола, затем сказал, что им придётся возвращаться к разговору, когда она успокоится, и ушёл в кабинет. Через некоторое время оттуда донёсся его голос: он уже говорил по телефону, негромко и раздражённо, несколько раз повторяя, что всё оказалось сложнее, чем он рассчитывал.

Ирина осталась одна. Она обошла гостиную, машинально поправила сдвинутую Алёной подушку, подняла лежавший на полу край пледа и только потом заметила, что продолжает приводить комнату в порядок. С отвращением бросила плед обратно на диван и опустилась в кресло. На комоде стояла фотография с их тридцатой годовщины свадьбы. Павел обнимал её за плечи, Алина улыбалась рядом, а сама Ирина смотрела в объектив с тем счастливым выражением, которое теперь казалось ей почти чужим. Тогда она была уверена, что самые тяжёлые годы уже позади и впереди их с мужем ждёт спокойная жизнь.

В прихожей всё ещё стояли пакеты с продуктами. Ирина вспомнила о рыбе, которую собиралась приготовить к ужину, и поднялась, потому что продукты следовало убрать в холодильник. На кухне она достала упаковки, поставила овощи в нижний ящик и некоторое время стояла возле открытой дверцы, не понимая, что делает дальше. На столешнице лежала записка со списком дел на завтра: позвонить Зое Павловне, забрать вещи из химчистки, купить Павлу новые рубашки. Ирина взяла её, перечитала и медленно скомкала. Затем разжала ладонь, разгладила бумагу и положила обратно, потому что ей вдруг стало страшно даже от этого маленького движения.

Из кабинета донёсся смех мужа. Совсем короткий, негромкий, знакомый до боли, и Ирина почувствовала, как внутри всё сжалось. Она поняла, что Павел уже продолжает свой вечер, разговаривает с Алёной, обсуждает планы и, возможно, совсем скоро выйдет спросить, готов ли ужин. В этой мысли было что-то настолько невыносимое, что Ирина поспешно вышла из кухни. Она поднялась в спальню, закрыла дверь и впервые за много лет повернула ключ в замке, хотя прежде они с мужем никогда не запирались друг от друга.

На прикроватной тумбочке лежала книга, которую Ирина начала читать на прошлой неделе, рядом стоял стакан воды и рамка с фотографией их свадьбы. Она взяла снимок в руки и долго смотрела на молодых людей, которые улыбались друг другу, совершенно не зная, чем закончится их совместная жизнь. Потом поставила рамку изображением к стене, села на кровать и снова заплакала. За дверью продолжал жить большой удобный дом, в котором она знала каждую вещь, каждую скрипучую половицу и каждую привычку мужа. А на столе внизу лежали бумаги, по которым ей предлагалось оставить всё это человеку, уверенно заявившему, что она никогда ничего не заработала.

Глава 2. Что разрешено забрать

Ирина проснулась оттого, что за стеной хлопнула дверь. Несколько секунд она лежала неподвижно, прислушиваясь к удаляющимся шагам, и никак не могла понять, почему находится в спальне одна. Потом вспомнила вчерашний разговор, незнакомую женщину возле окна и лежавшие на столе бумаги. Сердце сразу забилось часто и неровно, словно всё случившееся произошло не несколько часов назад, а только что. Она приподнялась на локте, посмотрела на часы и увидела, что ещё нет пяти утра. Павел, должно быть, выходил из кабинета, чтобы спуститься на кухню или в ванную, а теперь вернулся к себе. Ирина прислушалась снова, но дом уже затих.

Она почти не спала. За ночь несколько раз вставала, подходила к двери и прислушивалась к тому, что происходит внизу, хотя прекрасно понимала, что муж не придёт просить прощения. Около двух часов ей даже захотелось самой спуститься в кабинет и потребовать объяснений. Она представила, как войдёт, включит свет и заставит Павла ещё раз повторить, что он собирается развестись с ней ради женщины, которая вчера переставляла мебель в их гостиной. Но потом вспомнила его лицо, когда он говорил о разделе имущества, и так и осталась стоять возле двери. Её пугало, что новый разговор может оказаться ещё хуже предыдущего. Вчера она хотя бы не знала, чего ожидать, а теперь понимала, что муж способен произнести самые жестокие слова совершенно спокойно.

Ирина накинула халат и подошла к окну. За стеклом было темно, только возле ворот горел фонарь, освещая мокрую после ночного дождя дорожку. Ещё недавно она любила эти ранние часы, когда можно было побыть одной, пока Павел спит, и никто ничего не просит. Иногда она спускалась на кухню, заваривала чай и садилась с книгой возле окна, наблюдая, как постепенно светлеет сад. Сегодня мысль о том, чтобы выйти из спальни, вызывала неприятное напряжение. Ей казалось, что за дверью начинается уже не её дом, а место, где в любой момент могут попросить освободить комнату, отдать ключи или объяснить, почему она ещё не собрала вещи.

На комоде лежала Павлова рубашка, которую он бросил туда позавчера вечером. Ирина взяла её, намереваясь по привычке отнести в корзину для белья, но вдруг остановилась. Рубашка была мягкая, дорогая, одна из тех, что они вместе выбирали весной. Муж тогда долго примерял несколько вариантов, ворчал на неудобные воротники и в конце концов попросил Ирину решить, какой цвет ему больше идёт. Она помнила тот день, помнила, как они после магазина зашли пообедать, как Павел рассказывал о новом поставщике и смеялся над каким-то происшествием на работе. Теперь ей стало невыносимо думать, что всё это время он, возможно, уже встречался с Алёной. Ирина скомкала рубашку и бросила на пол, но почти сразу подняла её обратно, потому что не могла видеть дорогую вещь валяющейся возле кровати.

Она открыла шкаф, собираясь убрать рубашку на полку, и замерла перед аккуратными рядами мужской одежды. Павел занимал почти две трети гардеробной, хотя вещей у Ирины было не намного меньше. Его костюмы висели по цветам, рубашки лежали стопками, а на нижней полке стояли коробки с обувью, которую он надевал редко. Всё это она годами приводила в порядок, хотя муж любил говорить, что никаких особенных хлопот домашнее хозяйство не доставляет. Сейчас ей захотелось вытащить всё из шкафа и сложить посреди комнаты, чтобы Павел хотя бы один раз самостоятельно разобрался со своими вещами. Она даже сняла с плечиков тёмный пиджак, но, подержав его несколько секунд, повесила обратно. Злость никуда не исчезла, только к ней прибавилось унизительное ощущение, что она до сих пор заботится о человеке, который вчера объявил её ненужной.

Когда за окнами начало светать, Ирина вышла из спальни и медленно спустилась вниз. Павел, судя по тишине, опять закрылся в кабинете, и она была рада, что не встретила его на

лестнице. В гостиной всё осталось так, как вчера. Кресло стояло немного криво после того, как Алёна передвигала его ради фотографий, а на диване лежал брошенный Ириной плед. Она подошла к окну и попробовала поставить кресло обратно, но вдруг рассердилась на себя и отпустила подлокотник. Ей не хотелось заниматься порядком в комнате, где вчера обсуждали, какой диван следует заменить, чтобы любовнице мужа было удобнее проводить съёмки.

На полке возле камина стояли семейные фотографии. Ирина взяла одну, сделанную много лет назад на море, и долго рассматривала загорелую Алину в розовой панаме. Девочке тогда было шесть, она боялась заходить в воду без надувного круга и всякий раз требовала, чтобы папа держал её за руку. Павел на снимке смеялся, потому что Алина облепила его мокрым песком и объявила настоящим морским чудовищем. Ирина помнила, как сама фотографировала их, стоя по щиколотку в воде, и как вечером они ели арбуз на балконе маленького пансионата. Тогда ей казалось, что ничего лучше этой простой семейной жизни и желать не нужно.

Она поставила снимок на место и прошла к книжному шкафу. Между страницами старого сборника сказок нашёлся детский рисунок: дом с огромной крышей, три фигурки возле дерева и неровная надпись «Мама, папа, я». Ирина осторожно расправила бумагу и почувствовала, как глаза снова наполняются слезами. Ей хотелось вернуться в то время хотя бы на один день, услышать, как маленькая Алина зовёт её из детской, а Павел обещает после работы привезти мороженое. Но даже эти воспоминания теперь причиняли боль. Она не знала, когда муж перестал любить её, и от мысли, что это произошло задолго до вчерашнего разговора, становилось трудно дышать.

На кухне Ирина поставила чайник и достала две чашки. Только когда они оказались рядом на столешнице, она заметила свою ошибку. Павел любил большую тёмно-синюю чашку с тяжёлой ручкой, которую привёз из командировки, и Ирина автоматически приготовила её вместе со своей. Она несколько секунд смотрела на знакомую посуду, потом убрала мужнину чашку обратно в шкаф. Сделала это так резко, что соседние блюдца звякнули, и испугалась неожиданно громкого звука.

Ей хотелось разбить эту проклятую чашку, швырнуть её об пол и хоть ненадолго перестать вести себя так, словно ничего не произошло. Ирина представила, как осколки разлетятся по кухне, как Павел спустится на шум и начнёт раздражённо спрашивать, что она опять устроила. Возможно, тогда он хотя бы поймёт, насколько сильно её обидел. Но она знала, что муж увидит только разбитую вещь и получит ещё один повод назвать её неуравновешенной. Ирина закрыла шкаф, налила себе чай и села за стол, не притронувшись к приготовленному с вечера печенью.

К половине восьмого Павел спустился на кухню. Он уже побрился, надел чистую рубашку и выглядел так, словно впереди у него был самый обычный рабочий день. Ирина услышала его шаги ещё в коридоре и почувствовала, как напряглась спина. Муж вошёл, бросил короткий взгляд на её лицо и направился к кофемашине. Он не спросил, спала ли она, не поинтересовался, как себя чувствует, и даже не попытался заговорить о вчерашнем. Ирина смотрела, как он ставит чашку под кофемашину, и с трудом удерживалась от желания немедленно начать ссору.

— Ты рано встала, — заметил Павел, когда кофе был готов. Он взял чашку и посмотрел на оставленное возле стола печенье. — Завтракать ничего не будешь? Я, пожалуй, тоже обойдусь кофе, сегодня с утра встреча.

Ирина медленно подняла на него глаза. Она не могла поверить, что после вчерашнего он способен так спокойно обсуждать завтрак, и от этого спокойствия внутри снова начала подниматься злость. Павел, заметив её взгляд, нахмурился, но чашку на стол всё-таки поставил.

— Ты серьёзно сейчас спрашиваешь меня про завтрак? — произнесла Ирина, стараясь не кричать. — После того, что ты вчера сказал, ты просто спустился пить кофе? Паша, ты хоть понимаешь, что я всю ночь не спала?

— Понимаю, что ты расстроена, — ответил муж, садясь напротив. — Только мне тоже нужно жить и работать. Мы вчера всё обсудили, и я не вижу смысла с утра начинать сначала. Посмотри документы, подумай спокойно, а вечером поговорим о конкретных вопросах.

— Мы ничего не обсудили, — возразила Ирина, чувствуя, как начинает дрожать голос. — Ты объявил мне, что уходишь к другой женщине, и положил передо мной бумаги. Я даже не успела понять, что происходит, а ты уже решил, куда меня переселить. Ты действительно считаешь, что после этого можно спокойно выпить кофе и отправиться по делам?

Павел раздражённо вздохнул и взглянул на часы. Ему явно не нравилось, что жена опять возвращается к разговору, который он считал законченным. Ирина знала, что ещё минуту назад попыталась бы смягчить тон, чтобы не испортить ему настроение перед работой. Сейчас ей стало противно от одного воспоминания о собственной привычке.

— Ира, я не могу каждый раз выслушивать одно и то же, — сказал Павел, поднимаясь. — Мне жаль, что тебе тяжело, но я ничего не собираюсь менять. Чем быстрее ты примешь это, тем проще будет нам обоим. И давай без звонков каждые полчаса, пожалуйста, потому что сегодня у меня действительно важные дела.

Он взял чашку и вышел из кухни, оставив Ирину сидеть за столом. Она услышала, как наверху открылась дверь спальни, потом зашумела вода в ванной. Павел собирался на работу, где его ждали привычные дела, знакомые люди и женщина, с которой он теперь собирался жить. Ирина же осталась на кухне перед остывшим чаем, не представляя, что делать дальше. Ей хотелось позвонить кому-нибудь, но она вдруг поняла, что почти все семейные друзья были прежде всего знакомыми Павла. Обсуждать с ними его измену означало заранее соглашаться на неприятные разговоры и чужие оценки.

Тогда она вспомнила об Алине. Дочь вчера не звонила, хотя Павел признался, что уже говорил с ней о разводе. Ирина взяла телефон и некоторое время смотрела на фотографию Алины в списке контактов. Там она улыбалась возле какого-то кафе, держа стакан кофе в поднятой руке. Снимок был сделан прошлым летом, когда они вместе ходили по магазинам и дочь долго выбирала новое платье. Ирина вдруг испугалась, что услышит от неё что-нибудь такое, после чего отношения уже не станут прежними. Но не позвонить тоже не могла.

Алина ответила не сразу. На заднем плане слышались голоса, хлопнула дверь, и только потом дочь заговорила отчётливо. Судя по звукам, она уже добралась до работы или находилась где-то поблизости.

— Мам, привет, — сказала Алина, немного торопливо. — Я сейчас не очень удобно разговариваю. Что-то случилось? Ты обычно так рано не звонишь.

— Алина, мне нужно с тобой поговорить, — ответила Ирина и почувствовала, как перехватывает горло. — Папа вчера сказал, что собирается со мной разводиться. И что у него есть другая женщина. Ты что-нибудь об этом знаешь?

На другом конце несколько секунд молчали. Потом Алина тихо вздохнула, и Ирина сразу поняла, что дочь не удивлена. Ей пришлось крепче сжать телефон, потому что пальцы вдруг стали непослушными.

— Мам, я знала, что вы собираетесь поговорить, — осторожно произнесла Алина. — Папа мне сказал, что у вас давно не всё хорошо. Только я думала, он сначала сам тебе объяснит, а потом уже мы вместе что-нибудь решим. Не хотела вмешиваться, честно.

— Подожди, — Ирина поднялась из-за стола и прошла к окну. — Что значит, давно не всё хорошо? Мы с папой вчера впервые заговорили о разводе. А ты говоришь так, словно вы с ним уже всё обсудили. Когда он тебе рассказал про эту женщину?

— Несколько недель назад, — призналась дочь после короткой паузы. — Мам, пожалуйста, только не начинай сразу плакать. Он не просил меня ничего от тебя скрывать, просто хотел сначала разобраться сам. Я и не знала, как тебе об этом сказать.

Ирина прислонилась плечом к стене. Несколько недель дочь знала о существовании Алёны, разговаривала с отцом, слушала его объяснения, а потом приезжала в гости, сидела за общим столом и обсуждала обычные семейные дела. Ирина вспомнила, как недавно Алина рассказывала им о работе, как Павел советовал ей сменить квартиру, а сама она подавала обоим чай и радовалась, что они наконец собрались вместе. Теперь выяснялось, что за этим обычным вечером уже существовала какая-то другая жизнь, в которую её не посвящали.

— Ты приходила к нам и молчала? — спросила она, с трудом удерживая слёзы. — Алина, ты сидела со мной на кухне, рассказывала про новую начальницу, спрашивала, когда мы поедем к бабушке. И всё это время знала, что папа собирается меня бросить? Почему ты мне ничего не сказала?

— Потому что это ваши отношения, мам! — ответила дочь, тоже повышая голос. — Я не хотела оказаться между вами. Папа сказал, что давно несчастлив, что вы живёте как соседи, а он хочет начать всё сначала. Что я должна была делать? Прибежать и устроить скандал вместо него?

— Ты могла хотя бы спросить, как я себя чувствую, — сказала Ирина, и голос у неё сорвался. — Могла узнать, что я вообще думаю о нашем браке. Ты ведь прекрасно видела, что я ничего не подозреваю. Или тебя это не волновало?

— Мам, ну зачем ты так? — Алина раздражённо выдохнула, и Ирина услышала, как она куда-то идёт. — Я тебя люблю, но не могу решать за вас. Папа взрослый человек, ты тоже. Если он больше не хочет жить вместе, разве можно заставить его остаться?

Ирина закрыла глаза. Она и не собиралась заставлять Павла любить её, но дочь словно не слышала главного. Речь шла не только о другой женщине, а о том, как муж собирался после развода распорядиться всей их жизнью. Ирина попыталась объяснить это, стараясь не путаться в словах, но Алина уже знала и об имущественном предложении.

— Он хочет оставить себе дом и квартиру, — произнесла Ирина, чувствуя, как снова начинает закипать. — Представляешь, просто оставить всё себе! А мне предлагает какую-то сумму и комнату у бабушки. Алина, я вчера даже не могла поверить, что он говорит это всерьёз.

— Мам, папа же не собирается тебя выгонять на улицу, — ответила дочь после недолгого молчания. — У бабушки нормальная квартира, отдельная комната, ты там прекрасно всё знаешь. И деньги он обещал дать. Может, тебе действительно стоит какое-то время пожить отдельно, успокоиться, а потом уже решать, что делать дальше?

Ирина отняла телефон от уха и посмотрела на экран, словно хотела убедиться, что разговаривает именно с дочерью. Ей показалось, будто она опять слышит Павла, только женским голосом. Даже слова были похожими: успокоиться, подумать, не усложнять, принять разумное предложение. Ирина почувствовала такую обиду, что несколько секунд не могла ответить.

— Ты понимаешь, что предлагаешь мне переехать к бабушке? — наконец спросила она. — Алина, мне пятьдесят четыре года. Я прожила с твоим отцом тридцать два года, всю жизнь занималась вами, домом, его матерью. А теперь ты говоришь, что мне вполне подойдёт комната в чужой квартире, потому что папа решил жениться на другой?

— Я не говорила, что он собирается жениться, — возразила Алина. — И квартира бабушки не чужая, она же семья. Просто папа объяснил, что дом очень дорогой в содержании, а ты сейчас не работаешь. Он хочет оставить тебе деньги, чтобы ты могла устроиться, и мне кажется, это лучше, чем годами ругаться.

— Тебе кажется, что я должна отдать ему всё? — Ирина стиснула телефон так сильно, что заболели пальцы. — Ты правда считаешь это справедливым? Доченька, я ведь не сидела

без дела, пока папа работал. Ты сама знаешь, сколько всего я делала. Неужели теперь даже ты думаешь, что это ничего не значит?

Алина шумно вздохнула. Она не ответила сразу, и Ирина услышала, как кто-то поздоровался с ней на заднем плане. Дочь сказала этому человеку несколько слов, отошла подальше и заговорила тише.

— Мам, я не говорю, что ты ничего не делала, — произнесла она устало. — Но папа действительно зарабатывал деньги, и ты сама всегда говорила, что нам повезло с ним. Я просто не хочу, чтобы вы теперь начали воевать из-за имущества. У меня, между прочим, тоже не самая простая ситуация, и я надеялась, что вы сможете договориться нормально.

Ирина насторожилась. Последние слова прозвучали слишком определённо, словно речь шла не только о неприятностях между родителями. Она вспомнила, как Алина несколько месяцев жаловалась на съёмную квартиру, где хозяева собирались поднять плату, и рассказывала, что присматривает жильё в ипотеку. Павел тогда обещал подумать, как помочь дочери с первым взносом, но при Ирине они больше к этому разговору не возвращались.

— Подожди, а твоя квартира здесь при чём? — спросила Ирина, стараясь говорить спокойно. — Папа тебе что-то обещал? Алина, пожалуйста, скажи мне прямо, потому что я уже устала узнавать всё последней.

Дочь помолчала, и Ирина окончательно убедилась, что угадала. Ей стало неприятно ещё до того, как Алина заговорила. Она очень хотела ошибиться, представить, что дочь просто переживает за семейные отношения и боится родительской ссоры.

— Он сказал, что сможет помочь мне с первым взносом, если у вас всё решится без больших расходов, — призналась Алина. — Мам, не надо сразу думать самое плохое. Я третий год снимаю квартиру и каждый месяц отдаю огромные деньги чужим людям. Папа предложил помочь, и я, конечно, обрадовалась. Не вижу в этом ничего ужасного.

— Значит, если я соглашусь отдать ему дом, он купит тебе квартиру? — спросила Ирина, чувствуя, как по лицу бегут горячие слёзы. — А если не соглашусь, виновата буду я? Алина, ты хоть понимаешь, на что вы с ним меня уговариваете?

— Никто тебя ни на что не уговаривает! — возмутилась дочь. — Просто я надеялась, что вы разойдётесь по-хорошему, и папа сможет выполнить обещание. Мне кажется, ты сейчас воспринимаешь всё слишком остро. Давай поговорим вечером, когда ты немного успокоишься, потому что я уже опаздываю.

Ирина хотела ответить, но услышала короткие гудки. Несколько секунд она стояла с телефоном у уха, ожидая, что дочь перезвонит, объяснит свои слова или хотя бы спросит, как мать собирается прожить сегодняшний день. Звонка не последовало. Ирина медленно опустила руку и села на ближайший стул. Ей хотелось сердиться на Алину, назвать её неблагодарной и эгоистичной, но вместе со злостью поднималась мучительная тревога: вдруг дочь действительно считает отца правым и теперь отвернётся от неё?

Павел появился на кухне как раз в тот момент, когда Ирина пыталась вытереть лицо бумажной салфеткой. Он был уже в пиджаке, с телефоном и ключами от машины в руках. Увидев её, муж нахмурился, а потом заметил телефон на столе и сразу понял, с кем она разговаривала.

— Алине звонила? — спросил он, остановившись возле двери. — Я же просил не втягивать дочь в наши разбирательства. У неё своих забот хватает, зачем ты с утра испортила ей настроение?

— Она знала, — ответила Ирина, даже не пытаясь скрыть слёз. — Несколько недель знала про твою Алёну. И про развод тоже знала. Ты с нашей дочерью всё обсудил, а мне собирался просто положить перед носом бумаги?

Павел пожал плечами и подошёл к столу за забытыми ключами от гаража. По его лицу Ирина поняла, что он не считает случившееся чем-то предосудительным. Напротив, разговор с Алиной представлялся ему обычной подготовкой к предстоящим переменам.

— Я хотел, чтобы она была готова, — ответил он. — Алина взрослая, и ей легче смотреть на вещи без лишних эмоций. Я рассказал, что мы собираемся расстаться, и объяснил, почему считаю это правильным. Что здесь такого ужасного?

— Ты ещё и деньгами ей пообещал помочь, если я не стану спорить, — сказала Ирина, глядя на него с возмущением. — Хорошо придумал, Паша. Теперь собственная дочь будет уговаривать меня отказаться от дома, потому что ей нужна квартира. Ты ведь прекрасно знал, что она станет переживать из-за своего взноса.

Павел раздражённо щёлкнул ключами. Ему явно не нравилось, что Ирина так быстро догадалась о связи между обещанием дочери и его планами. Однако смущаться или оправдываться он не собирался.

— Не надо всё выворачивать, — сказал он. — Я давно обещал Алине помочь, если будет возможность. Но если ты начнёшь дорогостоящие споры, свободных денег может не остаться. Это обычная жизнь, Ира, и тебе давно пора понимать, что деньги не появляются сами собой.

Ирина посмотрела на него и почувствовала, как вновь начинает дрожать от злости. Она хотела спросить, сколько денег он уже потратил на Алёну, сколько стоили их встречи и подарки, почему для новой женщины средства нашлись без всяких условий. Но Павел уже повернулся к выходу, всем своим видом показывая, что разговор окончен. Ирина поднялась и пошла за ним в прихожую, не желая снова оставаться с недосказанными вопросами.

— А когда ты успел пообещать Алине квартиру? — спросила она, остановившись возле лестницы. — Когда уже собирался уходить? Или раньше, когда я ещё ничего не знала? Паша, ты ведь прекрасно понимал, что она будет на твоей стороне после такого обещания.

— Она сама решит, на чьей стороне быть, — ответил он, надевая пальто. — И вообще, я не собираюсь перед тобой отчитываться за разговоры с собственной дочерью. Ты лучше займись документами, которые я тебе оставил. Вечером можем спокойно обсудить, какие вещи ты заберёшь при переезде.

После его ухода Ирина ещё долго стояла возле двери. Ей хотелось броситься следом, заставить мужа вернуться и выслушать всё, что она не успела сказать, но за воротами уже зашумел автомобиль. Она медленно поднялась наверх, собираясь хотя бы умыться и привести себя в порядок. В зеркале ванной увидела опухшие веки, растрёпанные волосы и бледное лицо с двумя глубокими складками возле рта. Ирина вдруг вспомнила, как несколько месяцев назад Павел заметил, что ей следует больше заниматься собой, потому что возраст уже становится заметен. Тогда она обиделась, но потом долго выбирала крем и записалась к косметологу, надеясь его порадовать. Теперь стало ясно, кому он мысленно сравнивал её лицо.

К обеду Павел неожиданно вернулся. Ирина услышала, как открывается входная дверь, и вышла из спальни, решив, что муж забыл какие-нибудь документы. Однако он поднялся наверх и сразу прошёл к гардеробной, держа в руках вчерашнюю папку. Увидев Ирину, остановился возле шкафа и сказал, что решил заодно разобраться с вещами, чтобы потом не тратить на это выходные. Его деловитость действовала ей на нервы сильнее открытой грубости. Павел собирался составлять список того, что разрешит забрать жене, словно речь шла о переезде дальних родственников, а не о конце их брака.

— Давай сразу определимся, чтобы потом не было претензий, — предложил он, открывая шкаф с одеждой. — Свои вещи, конечно, забираешь все. Косметику, книги, какие-то личные мелочи тоже. Я не собираюсь мелочиться из-за подобных пустяков. А вот с дорогими вещами лучше разобраться заранее, потому что они покупались на мои деньги.

Ирина стояла возле двери и не знала, что ответить. Её шкаф, в котором висели платья, пальто и кофты, вдруг превратился в набор вещей, принадлежность которых следовало обсуж-

дать. Она посмотрела на мужа, потом на собственную одежду, аккуратно развешанную по плечикам, и почувствовала такую обиду, что даже голос не сразу нашёлся.

— Павел, это мои вещи, — сказала она наконец. — Я сама их выбирала и носила. Ты сейчас серьёзно собираешься решать, какое платье мне можно увезти, а какое нет?

— Я же сказал, одежду забирай, — раздражённо ответил муж. — Не нужно цепляться к каждому слову. Просто я не хочу потом выяснять, куда исчезли дорогие покупки. Например, украшения надо будет посмотреть отдельно. Некоторые вещи стоят немалых денег, и я прекрасно помню, за что платил.

Он открыл верхний ящик комода, где Ирина хранила украшения, и достал небольшую коробочку. Внутри лежали серьги, подаренные ей на пятидесятилетие. Павел тогда устроил семейный ужин в ресторане, преподнёс коробочку при Алине и сказал, что хотел порадовать жену чем-нибудь особенным. Ирина помнила, как долго потом примеряла серьги перед зеркалом, как благодарила мужа и целовала его в щёку. Теперь он держал коробочку двумя пальцами и задумчиво рассматривал содержимое, словно пытался вспомнить цену.

— Вот эти, например, довольно дорогие, — заметил Павел, поворачивая серьги к свету. — Я покупал их несколько лет назад. Думаю, будет справедливо хотя бы учитывать стоимость таких вещей, когда будем окончательно договариваться. Не хочется потом обнаружить, что ты забрала всё ценное и ещё требуешь деньги.

Ирина протянула руку и выхватила у него коробочку. Она не собиралась отдавать подарок, который прежде считала знаком мужниной любви, и одновременно ей стало противно от мысли, что эти серьги теперь придётся отстаивать. Павел удивлённо поднял брови, но не попытался забрать коробочку обратно.

— Ты мне их подарил, — сказала Ирина, чувствуя, как дрожат пальцы. — На день рождения, при нашей дочери. Я тогда плакала от радости, потому что думала, ты действительно хотел сделать мне приятное. А теперь ты собираешься предъявить мне счёт за собственный подарок?

— Не драматизируй, пожалуйста, — ответил Павел. — Я просто говорю, что некоторые вещи стоят денег. Забирай серьги, никто тебя не лишает подарка. Но давай не будем делать вид, будто всё это появилось само собой. Я много лет покупал тебе хорошие вещи, и мне кажется, ты могла бы хотя бы сейчас это оценить.

Ирина закрыла коробочку и положила её обратно в ящик. Она не хотела больше смотреть на украшения, которые ещё вчера спокойно носила, а сегодня должна была защищать от собственного мужа. Павел между тем уже прошёл в спальню и начал перечислять бытовую технику, которую намеревался оставить в доме. Он говорил о телевизоре, кофемашине, пылесосе и кухонном оборудовании с таким видом, словно Ирина собиралась вывезти всё за его спиной. Она попыталась возразить, что никогда не претендовала на эти вещи отдельно, но муж только отмахнулся.

— Давай лучше сразу договоримся, — продолжал он, заглядывая в свои записи. — Кофемашина остаётся, большой телевизор тоже. Если захочешь забрать маленький из спальни, можем обсудить. Но мне кажется, тебе пока совершенно незачем обрастать вещами. У матери всё необходимое есть, а потом уже посмотришь, где собираешься жить.

— Ты опять говоришь так, будто я уже согласилась переехать к твоей матери, — возразила Ирина, следуя за ним. — Я вчера сказала, что ничего не подписываю. Почему ты продолжаешь делить вещи, словно меня здесь больше нет?

Павел остановился возле двери и посмотрел на неё с откровенным раздражением. Он не любил, когда кто-то возвращался к уже принятому им решению, особенно после того, как он успел продумать удобный порядок действий. Ирина прежде уступала, потому что новые споры неизменно заканчивались его молчанием или упрёками. Теперь же ей становилось всё труднее сдерживаться.

— Потому что рано или поздно нам всё равно придётся разъехаться, — сказал муж. — Я не собираюсь вечно жить в одной комнате с тобой и выслушивать обвинения. Предлагаю сделать всё спокойно, без ненужных сцен. Ты можешь продолжать цепляться за дом, но от этого ничего не изменится.

Они спустились в гостиную, где Павел открыл шкаф с семейными альбомами. Ирина машинально подошла следом, потому что увидела, как он перебирает папки и коробки с фотографиями. Там хранились не только снимки последних лет, но и старые, ещё бумажные фотографии, которые она когда-то аккуратно раскладывала по альбомам. Среди них были первые школьные праздники Алины, семейные поездки, фотографии родителей Ирины, которых уже не было в живых. Ей не понравилось, как муж безразлично перекладывает тяжёлые альбомы с одной полки на другую.

— Эти я заберу, — сказала она, протягивая руку к большому бордовому альбому. — И остальные тоже хочу взять. Там фотографии моих родителей, Алины, наших поездок. Я сама их собирала, и мне важно, чтобы они остались у меня.

Павел мельком посмотрел на альбом и пожал плечами. Он даже не стал открывать его, хотя на первой странице была фотография их свадьбы. Для Ирины это оказалось неожиданно болезненным: она почему-то надеялась, что хотя бы семейные снимки вызовут у мужа какие-то чувства.

— Забирай все, — сказал Павел, закрывая шкаф. — Они Алёне всё равно не нужны. Можешь даже коробку снимать с верхней полки, там ещё какие-то старые фотографии лежат. Я не собираюсь хранить это годами, тем более что сейчас всё можно держать в телефоне.

Ирина застыла с альбомом в руках. Он произнёс слова совершенно равнодушно, словно речь шла о ненужной посуде, которую можно отдать при переезде. Она вдруг представила, как Алёна приезжает сюда со своими вещами, как на месте их семейных фотографий появляются другие снимки, а Павел спокойно объясняет новой женщине, что всё прежнее жена увезла с собой. Ей стало мучительно обидно за маленькую Алину на фотографиях, за собственных родителей, за все годы, которые она бережно раскладывала по страницам.

— Тебе правда ничего из этого не нужно? — спросила Ирина, открыв альбом наугад. — Посмотри, здесь Алина в первом классе. А вот мы с тобой на море, когда ей было восемь. Неужели ты даже одну фотографию не хочешь оставить?

Павел мельком посмотрел на раскрытую страницу. Там он стоял с дочерью возле деревянного кораблика на детской площадке, улыбаясь в камеру. Несколько секунд он рассматривал снимок, потом отвёл глаза и снова взял телефон.

— Ира, мне сейчас не до старых фотографий, — ответил он устало. — Если захочу что-нибудь посмотреть, попрошу тебя прислать. Не понимаю, почему мы опять должны обсуждать воспоминания вместо конкретных дел. Забирай альбомы, я же не возражаю.

Ирина закрыла альбом и прижала его к груди. Ей хотелось сказать, что больше никогда ничего ему не пришлёт, но она промолчала. Павел уже направился к кабинету, продолжая на ходу говорить о документах, которые следует держать отдельно от личных вещей. Она смотрела ему вслед и чувствовала, как постепенно сменяется её отношение к происходящему. Вчера она ещё хотела, чтобы он передумал, а сегодня впервые поймала себя на желании уйти из комнаты, лишь бы не слышать его голос.

К четырём часам Ирина собрала небольшую дорожную сумку. Она взяла одежду на несколько дней, лекарства, косметику, свои основные документы и несколько книг, которые не хотела оставлять в доме даже временно. Альбомы сложила в две коробки и поставила возле двери, чтобы потом перенести в машину. Папку с предложенным соглашением тоже положила сверху, хотя один вид этих бумаг вызывал раздражение. Она не собиралась подписывать их и пока не знала, что делать дальше, но оставлять мужу единственный экземпляр предложенных условий не хотела.

Павел вышел из кабинета, когда Ирина переносила коробки в прихожую. Он остановился возле лестницы, посмотрел на сумку и заметно расслабился. Судя по выражению его лица, муж решил, что разговор о переезде всё-таки подействовал и жена начала соглашаться с предложенными условиями. Ирина почувствовала новое раздражение оттого, как быстро он принял её сборы за собственную победу.

— Вот и хорошо, — сказал Павел, спускаясь. — Я рад, что ты начинаешь подходить к делу разумно. Если хочешь, могу помочь отвезти вещи к матери. Она уже ждёт, я с ней сегодня разговаривал.

— Я еду к Светлане, — ответила Ирина, застёгивая сумку. — На несколько дней, чтобы не видеть тебя и спокойно подумать. И ключи я оставляю себе, потому что это пока мой дом тоже. Надеюсь, ты не собираешься менять замки, пока меня нет.

Павел остановился на последней ступеньке. Он явно не ожидал услышать про подругу и нахмурился, словно Ирина снова испортила тщательно подготовленный порядок. Она положила ключи в сумочку и посмотрела ему в лицо, ожидая очередного возражения.

— Светлана тебе сейчас такого наговорит, что потом сама пожалеешь, — заметил муж. — Она всегда считала, что ты слишком много для меня делаешь, хотя прекрасно знает, как мы живём. Ладно, поезжай, раз тебе так хочется. Только не надо превращать наш развод в обсуждение моей личной жизни со всеми знакомыми.

— Ты привёл свою личную жизнь ко мне в гостиную, — ответила Ирина, едва сдерживая голос. — А теперь запрещаешь рассказать подруге, почему я уезжаю из собственного дома? Паша, я даже не знаю, что ещё ты можешь мне запретить после вчерашнего. Но разговаривать со Светланой буду столько, сколько захочу.

Он посмотрел на неё с удивлением, затем раздражённо отвернулся. Ирина поняла, что дальше разговаривать бессмысленно, подхватила сумку и направилась к выходу. Павел не предложил помочь с коробками, только заметил, что семейные альбомы можно было оставить до окончательного переезда. Она ничего не ответила, перенесла вещи в машину и вернулась проверить, не забыла ли документы. Муж уже снова разговаривал по телефону в кабинете.

Перед отъездом Ирина задержалась возле крыльца. Она посмотрела на большие окна, на кусты гортензий, которые высадила несколько лет назад, на дорожку к саду. В сентябрьском воздухе чувствовалась сырость после дождя, а над крышей медленно двигались светлые облака. Ей вдруг очень захотелось вернуться внутрь, снять туфли, приготовить чай и сделать вид, что вчерашнего разговора не было. От этого желания стало так стыдно, что она поспешно села в машину и завела двигатель.

Светлана жила в другом конце города, и дорога заняла почти час. По пути Ирина несколько раз собиралась позвонить ей, но каждый раз откладывала разговор, потому что не представляла, как объяснить происходящее. Подруга знала её ещё со времён работы в библиотеке, присутствовала на свадьбе и много лет приезжала на семейные праздники. Она давно замечала, что Павел ведёт себя с женой слишком требовательно, но Ирина неизменно его защищала. Теперь ей было неловко признаться, насколько жестоко муж с ней обошёлся, особенно после прежних уверений, что их брак вполне счастливый.

На окраине города Ирина остановилась возле магазина. Ей хотелось купить что-нибудь к чаю, потому что приезжать с пустыми руками было неудобно, а Светлана наверняка станет хлопотать вокруг неё весь вечер. Ирина взяла упаковку хорошего печенья, фрукты и несколько продуктов, которые подруга любила. Возле кассы достала привычную дополнительную карту, привязанную к счёту Павла, и приложила к терминалу. Раздался короткий неприятный сигнал, а на экране появилось сообщение, что оплата не прошла.

Ирина решила, что неправильно приложила карту, и попробовала ещё раз. Кассирша терпеливо подождала, но терминал снова отказал. Позади уже стояли несколько покупателей, и кто-то недовольно переступил с ноги на ногу. Ирина почувствовала, как краснеет лицо. Она

достала телефон, открыла банковское приложение и увидела, что привычная карта больше недоступна.

— Простите, у меня почему-то не проходит оплата, — сказала она кассирше, стараясь не показать растерянности. — Сейчас я посмотрю, может быть, другая карта есть. Не могли бы вы пока отложить покупки? Я буквально на минутку.

Кассирша спокойно согласилась, но Ирине казалось, что на неё смотрят все стоявшие рядом люди. Она отошла к стене, достала кошелёк и пересчитала наличные. Денег оказалось достаточно только на несколько мелочей, а собственной картой, на которую иногда приходили небольшие суммы от родственников, она почти не пользовалась. Ирина вдруг с мучительной ясностью поняла, насколько сильно привыкла оплачивать повседневную жизнь средствами с общего семейного счёта. Она никогда не считала эти деньги исключительно Павловыми, потому что все покупки делала для семьи и всегда знала, сколько можно потратить. Теперь же муж одним действием лишил её возможности купить даже обычные продукты.

Она набрала его номер прямо возле магазина. Павел ответил после нескольких гудков, и по его голосу Ирина поняла, что он уже знает причину звонка. Он говорил негромко, словно находился среди людей и не хотел привлекать внимание.

— Паша, у меня карта перестала работать, — сказала Ирина, стараясь не расплакаться прямо посреди торгового зала. — Я сейчас в магазине, не могу оплатить продукты. Ты её заблокировал? Почему ты ничего мне не сказал?

— Я отключил дополнительную карту, — спокойно ответил он. — Не вижу смысла продолжать прежний порядок расходов, если мы разводимся. У тебя пока есть возможность спокойно договориться со мной о деньгах, но содержать два отдельных хозяйства без всяких условий я не собираюсь.

Ирина несколько секунд молчала. Она смотрела на оставленные возле кассы продукты и не могла поверить, что муж действительно решил таким образом ускорить её согласие. Ещё утром он говорил о справедливости, а теперь намеренно ставил её в положение человека, вынужденного просить деньги на самые обычные покупки.

— Ты даже не предупредил меня, — сказала она, чувствуя, как снова начинает дрожать голос. — Павел, я стою возле кассы, за мной люди, а у меня нечем платить. Ты мог хотя бы сказать, что собираешься сделать это. Я ведь не тратила деньги на какие-то глупости, покупала обычные продукты.

— Вот именно поэтому я и предлагаю всё оформить, — ответил Павел без заметного смущения. — Подпишем соглашение, получишь оговорённую сумму и будешь распоряжаться ею самостоятельно. А пока придётся немного ограничить расходы. Ты ведь теперь хочешь жить отдельно, значит, должна понимать, что прежний порядок закончился.

Ирина почувствовала такую злость, что ей захотелось закричать прямо в телефон. Она представила мужа в его удобном кабинете, рядом с привычной чашкой кофе, и поняла, что он не испытывает ни малейшего беспокойства из-за её положения. Для него происходящее было продолжением разговора о разделе имущества. Он просто нашёл ещё один способ напомнить, от кого, по его мнению, зависит её жизнь.

— Ты специально это сделал, — сказала она, уже не стараясь говорить тише. — Чтобы я испугалась и согласилась на твои условия. Ты прекрасно знаешь, что у меня сейчас нет собственной зарплаты, и решил воспользоваться этим. Павел, я ведь твоя жена, а не какая-то посторонняя женщина, которую можно выгнать без копейки!

— Ира, перестань кричать, — раздражённо ответил муж. — Я не собираюсь оплачивать твои поездки по подругам и неизвестно какие покупки. Деньги получишь после подписания соглашения, я уже объяснил. Если тебе сейчас что-то срочно нужно, можешь попросить у Светланы или у матери, а потом разберёмся.

Он отключился, не дожидаясь ответа. Ирина некоторое время стояла с телефоном в руке, глядя на погасший экран. Потом вернулась к кассе, извинилась и оплатила своей картой только часть покупок, на которую хватило оставшихся личных денег. Остальное пришлось оставить. Она старалась не смотреть на кассиршу, хотя та ничем не показала, что считает происходящее необычным.

Когда Ирина вышла на улицу, ноги у неё дрожали так сильно, что пришлось остановиться возле машины. Она положила маленький пакет на пассажирское сиденье и несколько минут сидела, крепко сжимая руль. Ей было стыдно, страшно и ужасно обидно. Павел знал, что она привыкла распоряжаться домашними расходами, что не держит больших денег отдельно и что возвращаться на работу после такого перерыва будет непросто. Он прекрасно понимал, в каком положении оставляет её, и всё равно решил начать именно с денег.

Ирина хотела немедленно позвонить Алине и рассказать, что сделал отец, но остановилась. После утреннего разговора ей казалось, что дочь снова начнёт объяснять необходимость компромисса. Она не выдержала бы ещё одного спокойного замечания о том, что папа просто старается устроить всё разумно. Вместо этого Ирина открыла переписку с Павлом и написала, что его поступок унизителен. Несколько раз меняла слова, потому что хотелось добавить гораздо более грубые выражения, а потом всё-таки отправила сообщение.

Ответ пришёл через несколько минут. Павел написал, что дальнейшие деньги она получит после подписания соглашения, и попросил больше не отвлекать его от работы. Ирина перечитала сообщение дважды, затем выключила экран и положила телефон в сумку. Она понимала, что пока не знает, как поступить, но подписывать бумаги после такой выходки мужа ей хотелось ещё меньше.

Светлана открыла дверь почти сразу. Она была ровесницей Ирины, невысокой, подвижной женщиной с короткими русыми волосами, которые постоянно заправляла за уши. При виде подруги улыбка исчезла с её лица. Ирина стояла на площадке с сумкой и небольшим пакетом продуктов, стараясь изобразить обычное выражение, но опухшие глаза и дрожащие губы выдавали её лучше любых слов.

— Господи, Ира, что случилось? — спросила Светлана, отступая в сторону. — Заходи скорее, не стой на площадке. Ты по телефону так странно разговаривала, что я уже начала волноваться. Павел заболел или с Алиной что-то?

Ирина вошла, поставила сумку возле тумбочки и попыталась снять куртку. Руки вдруг перестали слушаться, молния зацепилась за ткань, и от этой мелочи она окончательно расплакалась. Светлана молча помогла ей раздеться, отвела на кухню и усадила за стол. Несколько минут Ирина не могла произнести ничего связного, только вытирала лицо салфетками и повторяла, что сама не понимает, как всё произошло.

— У Паши другая женщина, — наконец выговорила она, когда немного успокоилась. — Он вчера привёл её домой, Света. Они стояли у нас в гостиной и обсуждали, какую мебель надо заменить. А потом он сказал, что мы разводимся и дом останется ему. Представляешь, он даже бумаги заранее приготовил.

Светлана медленно опустилась на стул напротив. Она не стала сразу ругать Павла или убеждать Ирину, что всё обязательно наладится. Только попросила рассказать с самого начала, потому что из нескольких произнесённых фраз было трудно понять, что именно случилось. Ирина попыталась объяснить и снова расплакалась, когда дошла до разговора об Алёне.

— Он сказал, что я не работала, — говорила она, комкая в руках салфетку. — Что всё купил сам, а я только занималась домом. Света, ты же помнишь, как он просил меня не выходить после рождения Алины? Ты ведь тогда ещё говорила, что мне жалко оставлять библиотеку. А я отвечала, что семья важнее и мы с Пашей вместе так решили.

— Помню, конечно, — ответила Светлана, осторожно накрывая её руку своей. — И помню, как ты потом собиралась вернуться, когда Алина пошла в школу. Только у Павла то

работа, то поездки, то ещё что-нибудь. Ира, я не собираюсь сейчас тебя ни в чём убеждать, но он не имеет права делать вид, будто ты все эти годы просто лежала на диване.

Ирина благодарно посмотрела на подругу и снова опустила голову. Ей хотелось услышать эти слова ещё от кого-нибудь, прежде всего от дочери, но именно Алина сегодня сказала почти то же самое, что и Павел. Она рассказала Светлане об утреннем разговоре, о первом взносе за квартиру и о том, как дочь советовала ей переехать к бабушке. Светлана слушала, иногда задавала вопросы и всё сильнее хмурилась.

— Значит, он ещё и Алину заранее подготовил, — сказала она, когда Ирина закончила. — Хорошо устроился, ничего не скажешь. Только ты сейчас не пытайся немедленно решить, что делать с дочерью. Она наговорила тебе обидного, но ещё может понять, что происходит. А вот Павел прекрасно знает, чего добивается, и потому тебе сейчас нельзя соглашаться на всё только ради прекращения скандала.

Ирина хотела возразить, что не собирается соглашаться, но вспомнила ночное желание спуститься к мужу и попросить его остаться. Ей стало неловко даже перед Светланой. Она знала, как со стороны выглядит женщина, которая после измены всё ещё надеется вернуть мужа, но ничего не могла поделать с прожитыми вместе годами. Ей не хватало Павла, хотя он находился всего в нескольких десятках километров и сам сделал всё, чтобы она уехала.

— Самое ужасное, что я всё равно хочу ему позвонить, — призналась Ирина, опуская глаза. — Понимаешь, Света, я знаю, какой он мерзавец, после вчерашнего уже невозможно этого не понимать. А потом вспоминаю, каким он был раньше, и начинаю думать, может, мы ещё сможем поговорить. Может, он хотя бы извинится, скажет, что не хотел меня обидеть. Мне так стыдно, что я до сих пор жду от него хоть чего-нибудь хорошего.

Светлана встала, включила чайник и достала чашки. Она двигалась нарочито спокойно, не торопя подругу с признаниями и решениями. Ирина смотрела, как та раскладывает печенье на тарелке, и вдруг остро почувствовала, насколько устала за последние сутки. Дома она всё время прислушивалась к шагам мужа, ждала нового разговора, боялась очередной фразы. Здесь никто не требовал от неё немедленно успокоиться.

— Ира, ты тридцать два года с ним прожила, — сказала Светлана, ставя перед ней чашку. — Конечно, ты не перестанешь переживать за один день. Я бы удивилась, если бы ты сейчас спокойно сидела и обсуждала, какие обои выбрать в новую квартиру. Но звонить ему сегодня, по-моему, не стоит. Ты и так услышала достаточно, а он пока только пользуется тем, что ты расстроена.

Ирина кивнула и обхватила ладонями горячую чашку. Чай пах мятой, на столе стояла небольшая вазочка с конфетами, а возле окна лежал толстый том, который Светлана читала по вечерам. Всё было привычным, спокойным, и это почти довело Ирину до новых слёз. Она вдруг подумала, что сейчас ей просто хочется остаться здесь, сидеть на кухне и ни о чём не решать. Но через несколько дней всё равно придётся возвращаться к разговору о доме, деньгах и дальнейшей жизни.

Когда Светлана спросила, ела ли она сегодня, Ирина поняла, что с утра выпила только чай. Подруга нахмурилась, достала из холодильника приготовленный суп и поставила разогреваться. Ирина попыталась возразить, что не голодна, но Светлана решительно велела хотя бы попробовать. Пока она накрывала на стол, Ирина рассказала о магазине и заблокированной карте. До этого момента ей ещё удавалось держаться, но теперь слова снова застревали в горле от унижения.

— Представляешь, я стояла на кассе и не могла расплатиться, — говорила она, глядя на свои руки. — Люди сзади ждали, кассирша смотрела, а я пыталась понять, почему не проходит карта. Он ведь специально ничего не предупредил. Хотел, чтобы я почувствовала, насколько от него завишу. И я почувствовала, Света, ещё как почувствовала.

Светлана медленно поставила тарелку на стол и села рядом. Она выглядела настолько рассерженной, что Ирина даже испугалась, не станет ли подруга немедленно звонить Павлу. Но Светлана только спросила, сколько денег у неё осталось и есть ли собственный счёт. Ирина призналась, что отдельная карта имеется, однако там совсем небольшая сумма. Основные семейные расходы всегда шли через счёт мужа, и раньше она не видела в этом проблемы.

— На первое время я тебе помогу, — сказала Светлана, пододвигая тарелку. — Не спорь, пожалуйста, потому что сейчас речь не о гордости. Завтра надо найти человека, который объяснит тебе, что делать с этими бумагами, а не слушать только Павла. Первую консультацию оплатим, если потребуется, потом разберёмся. Ты не обязана сегодня же знать, где будешь жить через полгода.

— Я не хочу сидеть у тебя на шее, — ответила Ирина, чувствуя новый приступ неловкости. — Мне и так стыдно, что я приехала без предупреждения, да ещё теперь ты собираешься за меня платить. Света, я же взрослый человек, а оказалась совершенно не готова даже к обычным расходам.

— Ты приехала к подруге, а не к чужому человеку, — возразила Светлана, не повышая голоса. — И потом, я не предлагаю содержать тебя годами. Мы говорим о нескольких днях, пока ты придёшь в себя и поймёшь, что происходит. Лучше поешь, потому что я сейчас начну сердиться уже на тебя, если ты продолжишь сидеть над пустой тарелкой.

Ирина невольно улыбнулась, хотя глаза ещё были мокрыми. Она взяла ложку и попробовала суп, оказавшийся неожиданно вкусным после целого дня без еды. Светлана не стала больше обсуждать деньги, только спросила, какие вещи Ирина привезла и удобно ли ей будет в гостевой комнате. Подруга жила одна после давнего развода, и небольшая комната обычно пустовала, если не приезжали родственники. Сейчас там стояли диван, книжный шкаф и старый письменный стол, за которым Светлана иногда работала.

После ужина они вместе перенесли сумку и коробки с фотографиями. Ирина поставила альбомы возле стены, достала ночную рубашку и несколько вещей, а затем обнаружила в боковом кармане маленькую коробочку с серьгами. Она совсем забыла, что положила украшение в сумку перед отъездом. Открыв коробочку, Ирина несколько секунд рассматривала камни, которые когда-то так радовали её, и вдруг почувствовала желание немедленно избавиться от подарка. Но потом закрыла крышку и убрала коробочку обратно, решив, что сейчас не станет ничего выбрасывать в приступе злости.

Светлана заметила украшение, но не спросила о нём. Она помогла разобрать постель, принесла чистое полотенце и оставила Ирину одну, пообещав, что будет на кухне, если понадобится. Когда дверь закрылась, Ирина села на диван и впервые за день осталась без необходимости разговаривать с кем-либо. В комнате было уютно, но всё казалось чужим. Она привыкла спать на широкой кровати, слышать за стеной шаги Павла и утром просыпаться в доме, где каждая вещь стояла на знакомом месте. Здесь ей предстояло заново привыкать хотя бы к тому, где находится выключатель.

Она взяла телефон и открыла переписку с мужем. Последним сообщением оставались его слова о деньгах после подписания соглашения. Выше были обычные короткие просьбы: купить рубашки, напомнить о встрече, приготовить что-нибудь к ужину, передать матери лекарства. Ирина долго листала переписку, пытаясь найти среди этих сообщений хоть одно недавнее признание в любви или простое ласковое слово. Последние месяцы там почти ничего подобного не было. Она вспомнила, как сама отправляла ему смешные фотографии, спрашивала, как прошёл день, предлагала поехать куда-нибудь вместе, а Павел чаще всего отвечал коротко, иногда одним словом.

Несколько раз Ирина начинала писать ему новое сообщение. Сначала хотела спросить, почему он так жестоко поступил с картой, потом собиралась потребовать объяснений насчёт Алины. Наконец написала, что не понимает, как можно после тридцати двух лет совместной

жизни разговаривать с женой подобным образом. Прочитала написанное, представила его раздражённый ответ и стёрла всё. Ей стало страшно, что Павел снова назовёт её истеричкой, а ещё страшнее было не получить ответа вовсе.

Она положила телефон рядом с подушкой и открыла один из альбомов. На первой странице оказалась фотография с их свадьбы: молодая Ирина в простом белом платье, Павел в тёмном костюме, оба немного растерянные и очень счастливые. Она вспомнила, как после регистрации они долго фотографировались возле старого фонтана, а Павел всё время поправлял ей волосы, которые выбивались из причёски. Тогда он обещал, что они обязательно купят собственное жильё и никогда не будут зависеть от чужих решений. Ирина провела пальцем по краю фотографии и закрыла альбом, потому что смотреть дальше уже не могла.

Телефон завибрировал, когда она собиралась идти умываться. Ирина схватила его почти с надеждой, решив, что Павел всё-таки написал. Но сообщение пришло от Зои Павловны. Свекровь сообщала, что Павел рассказал ей о временном переезде, свободную комнату уже подготовили, а в шкафу освободили две полки. В конце она добавила, что Ирине будет гораздо спокойнее рядом с близким человеком и что сын обещал помогать им обеим.

Ирина перечитала сообщение несколько раз. Выходило, что свекровь уже ждёт её переезда, словно вопрос решён и осталось только перевезти вещи. Ни слова о том, как она переживает развод, ни вопроса, почему Павел привёл в их дом другую женщину. Зоя Павловна писала о свободных полках и приготовленной комнате так, будто приглашала невестку погостить на несколько дней, а не предлагала ей поселиться здесь после распада семьи.

Ирина села обратно на диван и почувствовала, как возвращается знакомая боль в груди. Она представила маленькую комнату свекрови, шкаф, на котором много лет лежали старые покрывала, и столик возле окна. Павел наверняка уже объяснил матери, что жена согласится, стоит ей немного успокоиться. Возможно, Зоя Павловна искренне считала своё предложение добрым поступком. Ирина не могла знать этого наверняка, но от мысли, что её дальнейшую жизнь опять обсуждали без неё, становилось почти невыносимо.

Она вышла на кухню, где Светлана читала, сидя за столом с чашкой чая. Подруга подняла голову, заметила выражение её лица и молча отложила книгу. Ирина протянула телефон, не пытаясь ничего объяснять. Светлана прочитала сообщение, нахмурилась и вернула его обратно.

— Она тоже уже всё решила, — сказала Ирина, опускаясь на стул. — Комнату приготовила, полки освободила. Света, я ведь сегодня даже не говорила с ней. Получается, Павел всем объяснил, что я должна делать, и теперь они просто ждут, когда я начну выполнять их договорённости.

— Тогда завтра поговоришь с Зоей Павловной сама, — ответила Светлана, пододвигая ей чашку. — Только не сегодня ночью, пожалуйста. Ты и так едва держишься, а она, судя по всему, тоже не знает всей истории. Лучше сначала выспись, а утром решишь, что ей сказать.

Ирина кивнула, но возвращаться в комнату не спешила. Она попросила ещё чаю и некоторое время сидела рядом с подругой, слушая негромкое тиканье часов. Ей хотелось верить, что завтра удастся понять хотя бы часть происходящего, но впереди были разговор со свекровью, поиск помощи и необходимость как-то жить без денег, к которым она привыкла. Всё это пугало, и Ирина не пыталась изображать уверенность. Она только попросила Светлану утром напомнить ей о консультации, потому что теперь боялась поддаться уговорам Павла, прежде чем разберётся в его предложении.

В гостевую комнату Ирина вернулась уже поздно. Она выключила свет, легла и долго смотрела на полоску света под дверью, пока Светлана убирала посуду на кухне. Потом взяла телефон и ещё раз открыла сообщение свекрови. Ей хотелось написать, что ни в какую комнату она не переедет и ухаживать за Зоей Павловной вместо её сына больше не обязана. Но Ирина

всё ещё любила пожилую женщину, несмотря на обиду, и не хотела превращать собственную боль в жестокие слова, о которых потом пожалеет.

Она отложила телефон, повернулась на бок и закрыла глаза. Завтра придётся разговаривать с Зоей Павловной и выяснять, что именно Павел успел ей пообещать. От этой мысли становилось тревожно, но Ирина уже понимала, что откладывать разговор нельзя. Внизу, возле стены, стояли коробки с семейными альбомами, которые муж разрешил забрать без единого возражения. Она вспомнила его равнодушное замечание о том, что Алёне эти фотографии не нужны, и снова заплакала, стараясь делать это тихо, чтобы Светлана не услышала и не пришла утешать её ещё раз.

Глава 3. Комната у его матери

Утром Ирина проснулась от запаха свежесваренного кофе и негромкого звона посуды за стеной. Несколько секунд она лежала неподвижно, пытаясь вспомнить, где находится, потом увидела незнакомые шторы, книжный шкаф возле окна и свою дорожную сумку, оставленную на стуле. Ночью она несколько раз просыпалась, проверяла телефон и снова засыпала, а теперь чувствовала себя разбитой, словно вовсе не отдыхала. На тумбочке лежали бумаги, которые Павел подготовил для раздела имущества. Ирина машинально потянулась к ним, но остановилась, вспомнив вчерашний разговор со Светланой. Сначала она хотела поговорить со свекровью, а потом уже решать, что делать с мужниными предложениями.

За окном было пасмурно. По стеклу медленно сползали дождевые капли, во дворе шумели деревья, а на противоположной стороне улицы дворник сгребал мокрые листья в большую чёрную кучу. Ирина села на диване и несколько минут смотрела на незнакомый утренний двор. Обычно в это время она уже успевала приготовить завтрак, собрать Павлу что-нибудь с собой и проверить, не звонила ли Зоя Павловна. Сегодня никто не ждал её на кухне и не спрашивал, выглажена ли рубашка. Можно было оставаться в постели сколько угодно, но эта неожиданная свобода совсем не радовала. Ирина чувствовала себя человеком, который забыл о каком-то очень важном деле и теперь мучительно пытается вспомнить, что именно должен сделать.

Телефон лежал экраном вниз. Она перевернула его, надеясь увидеть сообщение от Павла, и сразу рассердилась на себя за эту надежду. Муж ничего не написал, зато от Зои Павловны пришло ещё одно сообщение с вопросом, когда Ирина собирается приехать. Свекровь сообщала, что сегодня свободна весь день, и предлагала заодно привезти часть вещей, чтобы не делать потом несколько поездок. Ирина перечитала написанное и почувствовала знакомое раздражение. Вчера она не ответила на сообщение о приготовленной комнате, но Зоя Павловна, похоже, решила, что молчание означает согласие.

На кухне Светлана стояла возле плиты и переворачивала сырники. Увидев подругу, она внимательно посмотрела на её лицо, но не стала спрашивать, как спалось. Ирина была благодарна ей за это молчание, хотя понимала, что скрыть своё состояние всё равно не получится. Она села за стол, обхватила ладонями чашку горячего чая и некоторое время наблюдала, как Светлана раскладывает завтрак по тарелкам. Подруга всегда любила готовить по утрам, даже когда жила одна, и часто смеялась над Ириной, которая считала полноценный завтрак лишней суетой.

— Я сегодня к Зое Павловне поеду, — сказала Ирина, когда Светлана поставила перед ней тарелку. — Она опять написала, спрашивает, когда вещи привезу. Хочу сама с ней поговорить, потому что Павел наверняка рассказал всё так, будто мы давно договорились. Может быть, она хотя бы поймёт, что происходит.

Светлана присела напротив и осторожно придвинула к ней блюдце со сметаной. Она не стала сразу высказывать своё мнение, хотя по выражению её лица Ирина поняла, что подруга относится к затее без особенного оптимизма. Некоторое время они завтракали молча, и только когда Ирина отодвинула почти нетронутую тарелку, Светлана снова заговорила.

— Поезжай, если считаешь нужным, — ответила она, убирая со стола пустую чашку. — Только ты ведь едешь не за разрешением остаться в собственном доме? Ира, я тебя знаю. Ты сейчас начнёшь объяснять, как тебе плохо, потом Зоя Павловна расстроится, и закончится всё тем, что ты опять будешь её успокаивать. Постарайся хотя бы не принимать никаких решений прямо там.

— Я и не собираюсь, — возразила Ирина, хотя сама не была в этом уверена. — Просто она ведь столько лет мне почти как мать. Я думала, мы близкие люди. Даже когда с Павлом

ссорились, она иногда вставала на мою сторону. Неужели теперь ей совершенно всё равно, что сын со мной сделал?

Светлана посмотрела на подругу поверх чашки и ничего не ответила. Ирина поняла, что та не хочет заранее обижать её неприятными предположениями, и от этого стало ещё тревожнее. Она взяла со стола телефон, показала новое сообщение свекрови и попыталась объяснить, что Зоя Павловна, вероятно, просто не понимает всей ситуации. Павел мог рассказать о разводе, но наверняка умолчал о том, как привёл Алёну в дом и предложил жене уйти почти без имущества. Ирина очень хотела в это верить, потому что мысль о сознательном участии свекрови в происходящем причиняла ей почти такую же боль, как утренний разговор с дочерью.

После завтрака Светлана помогла ей найти специалиста по семейным вопросам. Они просмотрели несколько предложений, позвонили в небольшую консультацию и договорились о встрече на следующее утро. Ирина взяла телефон, чтобы записать адрес, и почувствовала неприятное волнение уже от самого слова «консультация». Ей казалось, что завтра придётся рассказывать чужому человеку подробности своей семейной жизни, оправдываться за отсутствие работы и объяснять, почему она столько лет доверяла мужу. Светлана заметила её растерянность и предложила поехать вместе, но Ирина попросила пока не решать. Ей хотелось хотя бы эту встречу провести самостоятельно, хотя она совершенно не представляла, с чего начнёт разговор.

К Зое Павловне Ирина выехала ближе к полудню. Перед выходом она долго стояла возле сумки, решая, брать ли с собой какие-нибудь вещи. Вчера свекровь просила привезти хотя бы часть одежды, и Ирине на мгновение показалось, что так действительно будет удобнее: можно оставить несколько вещей, потом спокойно поговорить и решить, что делать дальше. Но следом она вспомнила приготовленные полки и узкую комнату, в которую её собирались переселить, и решительно застегнула сумку. Взяла только документы, оставшиеся после обследования, и лекарства, которые ещё позавчера купила для Зои Павловны. Не отвезти их она не могла, потому что свекрови они были нужны, а поручить это Павлу означало снова ждать, когда у него появится свободное время.

Дорога была знакомой до последнего поворота. Ирина ездила сюда столько раз, что могла бы добраться почти не глядя на указатели. Когда Зоя Павловна несколько лет назад начала жаловаться на давление и боли в суставах, Павел попросил жену присматривать за матерью почаще. Сначала речь шла о редких поездках к врачу, затем понадобилось регулярно покупать лекарства, помогать с уборкой, привозить продукты. Постепенно Ирина привыкла заезжать к свекрови едва ли не через день, а в особенно трудные недели и ежедневно. Она не считала это чем-то необычным. Зоя Павловна была к ней добра, любила Алину, помогала, когда внучка была маленькой, и Ирина искренне хотела облегчить ей жизнь.

Теперь она вспоминала, сколько раз отменяла собственные планы ради этих поездок. Однажды Светлана пригласила её на встречу выпускниц библиотечного училища, куда Ирина давно хотела попасть, но в последний момент у Зои Павловны поднялось давление. Павел тогда сказал, что ему обязательно нужно присутствовать на переговорах, а Ирина всё равно свободна, поэтому никаких особенных затруднений не возникло. Она отвезла свекровь к врачу, дождалась результатов обследования и вернулась домой уже вечером. Позднее Павел похвалил её за заботу о матери, а она была так рада его благодарности, что даже не подумала пожаловаться на пропущенную встречу.

Ирина остановилась возле знакомого пятиэтажного дома и посмотрела на окна третьего этажа. За одним из них висели светлые занавески, которые они со свекровью вместе выбирали прошлой весной. Зоя Павловна тогда долго сомневалась между двумя тканями, боялась потратить лишнее, а Ирина убедила её купить те, что действительно нравились. Она сама снимала старые шторы, стирала карниз и потом полдня помогала навести порядок. Воспоминание было совершенно обыкновенным, но сейчас от него стало больно. Ирина вдруг поняла, что даже в

этой квартире было много вещей, выбранных и устроенных её руками, однако ни одна из них не давала ей права решать, как будет проходить её собственная жизнь.

Зоя Павловна открыла дверь почти сразу. Она была невысокой, полноватой женщиной восьмидесяти одного года, с аккуратно уложенными седыми волосами и привычкой непременно надевать перед приходом гостей чистую кофточку. В последнее время ей стало трудно долго ходить и наклоняться, но дома она вполне справлялась с обычными делами. Увидев Ирину, свекровь широко улыбнулась, отступила в сторону и сразу заговорила о том, как хорошо, что невестка приехала пораньше. Ирина поцеловала её в щёку, передала пакет с лекарствами и прошла в прихожую, чувствуя, что привычное приветствие далось ей неожиданно тяжело.

— Я уж думала, ты к обеду только доберёшься, — сказала Зоя Павловна, закрывая дверь. — Пашенька говорил, что тебе сейчас тяжело и ты, наверное, не захочешь сразу переезжать. А я подумала, зачем откладывать? Здесь спокойно, всё знакомое, будем с тобой вдвоём жить. Я даже комнату приготовила, пойдём покажу, пока чайник греется.

Ирина не успела ни снять туфли, ни спросить, что именно Павел рассказал матери. Свекровь уже направилась по коридору, придерживаясь рукой за стену, и с довольным видом открыла дверь маленькой комнаты. Раньше здесь хранились коробки со старыми вещами, стоял раскладной диван и небольшой письменный стол, за которым Алина делала уроки, когда оставалась у бабушки. Теперь коробки исчезли, диван был застелен чистым бельём, а возле шкафа появилась узкая тумбочка с настольной лампой. На подоконнике стояла знакомая фиалка, которую Ирина сама подарила свекрови несколько лет назад.

— Вот, посмотри, как хорошо получилось, — продолжала Зоя Павловна, с удовольствием оглядывая комнату. — Я попросила соседского мальчика коробки на антресоли убрать, а диван мы с ним передвинули поближе к окну. Правда, кровать неширокая, но тебе одной вполне хватит. В шкафу две полки свободные и половина штанги, так что платья поместятся. Потом, если надо будет, ещё что-нибудь переставим.

Ирина остановилась возле порога и посмотрела на приготовленную постель. На покрывале лежало небольшое полотенце, аккуратно сложенное пополам, а рядом стояла пустая корзинка для белья. Всё было приготовлено с такой хозяйственной тщательностью, словно Зоя Павловна действительно ждала долгожданную гостью и старалась сделать ей приятное. Но Ирина смотрела на узкий диван и не могла заставить себя произнести ни слова благодарности. Ей вдруг представилось, как она каждое утро просыпается здесь, слышит за стеной шаги свекрови и спешит готовить завтрак, пока Павел живёт с Алёной в большом доме.

— Зоя Павловна, зачем вы всё это сделали? — спросила она наконец, стараясь говорить спокойно. — Я ведь не говорила, что собираюсь сюда переезжать. Мы с Павлом даже не договорились, как будем делить имущество. Почему вы уже приготовили мне комнату?

Свекровь удивлённо повернулась. Она явно не ожидала такого вопроса и несколько секунд смотрела на Ирину, словно пыталась понять, чем та недовольна. Потом поджала губы и осторожно присела на край дивана, придерживая больное колено.

— Паша сказал, что вы решили разойтись, — ответила она, разглаживая ладонью покрывало. — Конечно, неприятно, столько лет вместе прожили, но раз уж так получилось, надо как-то устраиваться. Я и подумала, что лучше тебе пожить со мной, чем одной где-нибудь квартиру снимать. Зачем деньги чужим людям отдавать, когда у родных место есть?

— Но мы ничего не решили, — возразила Ирина, чувствуя, как внутри начинает подниматься раздражение. — Павел просто объявил, что у него другая женщина, и предложил мне уйти из дома. А вы говорите так, будто мы вместе всё обсудили и теперь осталось только перевезти чемоданы. Неужели он вам именно так рассказал?

Зоя Павловна нахмурилась. Слова о другой женщине явно были ей неприятны, но не настолько, чтобы заставить немедленно встать на сторону невестки. Она поправила край покрывала, потом посмотрела на фиалку и только после этого ответила.

— Я знаю, что у Паши кто-то появился, — призналась она с заметной неохотой. — Он мне сказал, что давно уже не чувствует себя счастливым и хочет начать другую жизнь. Я, конечно, его ругала, говорила, что в таком возрасте пора бы уже успокоиться. Но ведь не привяжешь человека к себе, Ира. Раз уж он решил, надо подумать, как вам обоим дальше жить.

Ирина почувствовала, как лицо начинает гореть. Ей было трудно поверить, что свекровь обсуждает измену сына так спокойно, словно тот просто решил сменить работу. Она прислонилась к дверному косяку и несколько секунд пыталась найти слова, которые не прозвучали бы оскорбительно. Ей не хотелось ссориться с Зоей Павловной, но ещё меньше хотелось слушать рассуждения о том, что теперь необходимо устроить удобную жизнь для всех.

— Вы понимаете, что он привёл эту женщину к нам домой? — спросила Ирина, не сумев скрыть дрожь в голосе. — Она стояла в нашей гостиной, фотографировала мебель и обсуждала, что надо заменить. Павел при мне её обнимал, а потом сказал, что дом оставит себе. Мне же предложил переселиться сюда, потому что я, видите ли, никогда не работала. Вы действительно считаете, что это нормальное решение?

Зоя Павловна тяжело вздохнула и опустила взгляд. Некоторое время она молчала, перебирая пальцами край кофты, а Ирина ждала хотя бы одного возмущённого слова в адрес сына. Но свекровь только покачала головой и произнесла, что Павел, конечно, поспешил и мог бы проявить больше деликатности.

— Не надо было ему приводить её в дом, это правда, — сказала она, снова глядя на Ирину. — Я бы на его месте так не поступила. Но теперь уж ничего не изменишь, и тебе надо думать о себе. А здесь всё-таки родная семья, не чужие люди. Ты меня знаешь, я никогда тебя не обижала, мы с тобой всегда хорошо ладили. Зачем же сразу отказываться от помощи?

Ирина медленно вошла в комнату и села на стул возле окна. Она чувствовала, что разговор начинает уходить куда-то совсем не туда. Ей хотелось услышать, что Павел поступил подло, что свекровь не позволит сыну так обращаться с женой, что они вместе попробуют разобраться. Вместо этого Зоя Павловна предлагала принять последствия уже состоявшегося решения. Ирина посмотрела на приготовленную постель и неожиданно представила, как здесь проходит не несколько недель, а несколько лет. Зоя Павловна будет стареть, забот станет больше, а Павел по-прежнему сможет приезжать к матери только тогда, когда сочтёт нужным.

— А вы подумали, чем я здесь буду заниматься? — спросила Ирина, стараясь не повышать голос. — Ведь Павел предложил мне переехать не просто так. Он сказал, что вам нужен постоянный присмотр, а я всё равно знаю ваши привычки. Получается, он собирается оставить меня здесь, чтобы я продолжала за вами ухаживать, пока сам будет жить с Алёной.

Свекровь удивлённо подняла брови. Она некоторое время смотрела на Ирину, словно та произнесла что-то совершенно неожиданное, затем обиженно поджала губы. Ей явно не понравилось, что забота о ней стала предметом неприятного разговора.

— Ира, ну зачем ты так говоришь? — спросила она, расправляя кофту на коленях. — Я же не лежачая больная, прекрасно ещё могу сама себе приготовить и по квартире пройтись. Просто иногда нужна помощь, ты ведь знаешь. Разве тебе трудно будет в магазин сходить или со мной к врачу съездить, если мы всё равно вместе жить станем? Я думала, тебе самой приятнее будет чувствовать себя нужной.

Последние слова задели Ирину сильнее, чем она ожидала. Она вспомнила, сколько раз слышала от Павла почти то же самое: дома без неё никто не справится, матери нужна помощь, дочери требуется внимание, а работать ради небольшой зарплаты совершенно необязательно. Все эти годы ей объясняли, насколько она необходима, а теперь выяснилось, что необходима

она была прежде всего для выполнения чужих дел. Ирина почувствовала, как к глазам подступают слёзы, и отвернулась к окну, чтобы свекровь не заметила.

— Я и так много лет чувствовала себя нужной, — сказала она после короткого молчания. — Только вчера Павел объяснил, что всё это ничего не стоит. Дом его, деньги его, квартира его, а я просто жила на всём готовом. Теперь он нашёл женщину, которая ему нравится, и хочет отправить меня сюда, чтобы я продолжала делать то, что делала всегда. Вам правда не кажется, что со мной поступают несправедливо?

Зоя Павловна потёрла колено и посмотрела на дверь. Ей явно хотелось прекратить неприятный разговор, но Ирина впервые не спешила менять тему. В конце концов свекровь осторожно ответила, что семейные дела никогда не бывают такими простыми, как кажется со стороны. Павел действительно много работал, обеспечивал всех, и она не знала, насколько правильно теперь предъявлять ему счёт за прожитые годы.

— Ты же сама всегда говорила, какой он хороший муж, — напомнила Зоя Павловна, стараясь придать голосу мягкость. — И квартиру вы купили, и дом построили, и Алина ни в чём не нуждалась. Конечно, Паша не должен был так поступать, я его не оправдываю. Но ведь и забывать всё хорошее нельзя, Ира. Он столько лет старался ради семьи, а теперь вы оба на него сердитесь.

— Оба? — Ирина подняла голову и недоверчиво посмотрела на свекровь. — Кто ещё на него сердится? Алина вчера мне почти теми же словами объясняла, что папа за всё платил и поэтому должен оставить себе дом. Она знала про Алёну несколько недель, а мне даже не сказала. Вы представляете, каково мне было это услышать?

Зоя Павловна заметно смутилась. Оказалось, что внучка действительно звонила ей накануне и рассказывала, как мать тяжело переживает развод. Свекровь не стала скрывать этого, но тут же поспешила объяснить, что Алина просто беспокоится за родителей. Ирина почувствовала новое неприятное подозрение: возможно, все трое уже давно обсуждают её характер, привычки и будущую жизнь, а она последней узнаёт, что сама стала предметом семейных переговоров.

— Алина сказала, что ты очень расстроена и не хочешь ничего слушать, — осторожно произнесла Зоя Павловна. — Она тоже переживает, ей ведь неприятно видеть, как родители ссорятся. Паша обещал ей помочь с жильём, а теперь всё осложнилось. Я, конечно, не вмешиваюсь, но думаю, что вам лучше договориться спокойно. Тогда и Алине легче будет, и ты сможешь устроиться.

Ирина почувствовала, как пальцы сами собой сжались на краю стула. Даже здесь разговор снова вернулся к квартире дочери, словно её собственная жизнь имела значение только до тех пор, пока не мешала чужим планам. Она вспомнила, как радовалась, когда Павел обещал помочь Алине, и как сама предлагала выделить из накоплений часть денег. Но тогда речь шла об общем семейном решении, а не о награде за то, что мать согласится уйти без имущества.

— Выходит, я должна уступить, чтобы Павел купил Алине квартиру? — спросила Ирина, уже не стараясь скрывать возмущение. — А мне что делать, Зоя Павловна? Я ведь тоже живой человек. Мне пятьдесят четыре года, у меня нет работы, муж от меня ушёл, а теперь ещё собственная дочь будет считать виноватой, если я не отдам ему всё. Вы хоть понимаете, как мне страшно?

Свекровь нахмурилась и поднялась с дивана, опираясь ладонью о подлокотник. Она прошла к шкафу, открыла дверцу и зачем-то поправила аккуратно сложенное постельное бельё. Ирина знала эту привычку: когда Зоя Павловна нервничала, ей непременно требовалось заняться какой-нибудь мелкой хозяйственной работой. Раньше невестка старалась сразу перевести разговор на что-нибудь приятное, чтобы пожилая женщина не волновалась. Сегодня она осталась сидеть на месте.

— Я ведь хочу тебе помочь, — сказала свекровь, не оборачиваясь. — Не понимаю, почему ты воспринимаешь моё предложение как обиду. У меня есть свободная комната, тебе не придётся платить за жильё, продукты будем покупать вместе. Паша обещал давать деньги на всё необходимое, так что голодать никто не собирается. Что в этом плохого, Ира?

— Плохо то, что вы обсуждаете мою жизнь без меня, — ответила Ирина, поднимаясь. — Вы уже договорились, сколько Павел будет давать денег, где я стану спать и чем займусь. Но никто не спросил, хочу ли я вообще жить здесь. Я даже не знаю, что будет с моим браком, а вы уже освободили полки в шкафу.

Зоя Павловна закрыла дверцу и резко повернулась. Её лицо стало обиженным, в глазах появилось знакомое выражение, которое Ирина много раз видела после ссор свекрови с сыном. Пожилая женщина действительно считала, что проявила заботу, и теперь не могла понять, почему её добрые намерения вызывают возмущение.

— Знаешь, Ира, я всё-таки не заслужила такого разговора, — произнесла она, стараясь говорить твёрдо. — Я тебе ничего плохого не сделала. Наоборот, сразу предложила помощь, хотя самой уже тяжело и места не так много. А ты приехала и обвиняешь меня, будто я специально придумала, как тебя обидеть. Можно ведь и благодарность проявить, даже если тебе сейчас нелегко.

Ирина почувствовала, как от этих слов внутри всё похолодело. Ещё вчера Павел требовал благодарности за то, что содержал её столько лет, а теперь свекровь ждала того же самого за комнату, в которую невестка вовсе не собиралась переезжать. Ей захотелось резко ответить, что никто из них не имеет права распоряжаться её судьбой, но она сдержалась. Зоя Павловна всё-таки была пожилой женщиной, и Ирина не хотела доводить разговор до настоящей ссоры, после которой придётся жалеть о сказанном.

Они вышли из комнаты и прошли на кухню. Свекровь поставила чайник, достала чашки и предложила разогреть приготовленный вчера суп. Ирина машинально потянулась к верхнему шкафчику за сахарницей, но Зоя Павловна остановила её, сказав, что всё сделает сама. В её голосе ещё чувствовалась обида, и Ирина впервые не стала уговаривать её успокоиться. Она села за стол, положила перед собой пакет с лекарствами и начала объяснять, какие таблетки нужно принимать по новому назначению врача. Свекровь внимательно слушала, задавала вопросы, и на несколько минут между ними возникло прежнее привычное спокойствие.

Когда лекарства были разобраны, Зоя Павловна попросила проверить квитанции и помочь оплатить несколько счетов. Ирина уже собиралась привычно взять телефон, но остановилась, вспомнив, как только что они разговаривали о её переезде. Свекровь заметила заминку и удивлённо посмотрела на неё. Ирина почувствовала неловкость, словно отказывалась от помощи больному человеку, хотя речь шла об обычных платежах, которые можно было спокойно разобрать позже.

— Давайте сегодня не будем заниматься счетами, — предложила Ирина, отодвигая бумаги. — Я вам лекарства привезла, всё объяснила, а с остальным можно разобраться в другой день. Мне сейчас действительно тяжело, Зоя Павловна. Я почти не спала две ночи и приехала прежде всего поговорить с вами.

— Да я же не прошу ничего особенного, — удивилась свекровь, пододвигая квитанции обратно. — Ты ведь всегда мне помогала, там всего несколько минут работы. Или теперь после ссоры с Пашей ты вообще перестанешь ко мне приезжать? Я-то тут при чём, Ира?

Ирина закрыла глаза и медленно выдохнула. Ей было неприятно от собственного раздражения, но ещё неприятнее становилось от того, что любой отказ сразу превращался в обвинение в неблагодарности. Она посмотрела на свекровь и вдруг вспомнила, как несколько лет назад хотела устроиться в небольшую библиотеку недалеко от дома. Тогда требовалась сотрудница на неполный день, и Ирина даже сходила на собеседование. Ей очень понравились люди, заведующая обещала перезвонить, а Павел вечером долго объяснял, что теперь придётся нани-

мать помощницу для матери и платить за то, с чем жена прекрасно справляется сама. Ирина отказалась от предложения, потому что чувствовала себя виноватой перед обоими.

— Помните, я несколько лет назад хотела снова работать в библиотеке? — спросила она, неожиданно даже для самой себя. — Павел тогда сказал, что вам нужна помощь и неудобно будет искать постороннего человека. Я согласилась, потому что думала, что так правильно. А сейчас он объясняет мне, будто я сама никогда не хотела работать и поэтому не имею права ни на дом, ни на деньги. Вы ведь помните тот разговор?

Зоя Павловна нахмурилась и некоторое время перебирала квитанции. Она действительно помнила, как Ирина рассказывала о возможности вернуться к работе, и помнила собственное недовольство предстоящими переменами. Тогда ей казалось совершенно естественным, что невестка останется дома, раз сын способен обеспечить семью. Теперь же воспоминание прозвучало иначе, и свекрови явно не хотелось обсуждать его подробно.

— Помню, конечно, — ответила она наконец. — Только ты сама тогда решила никуда не устраиваться. Мы ведь не заставляли тебя, Ира. Просто говорили, что будет неудобно, если ты начнёшь каждый день пропадать на работе. У Паши времени свободного почти не было, а ты всё равно сидела дома.

Ирина медленно подняла на неё глаза. Последняя фраза прозвучала почти так же, как слова Павла, и она почувствовала, как внутри снова начинает подниматься горячая волна обиды. Столько лет она считала заботу о свекрови частью своей жизни, не ожидая особенной благодарности. Теперь выяснялось, что сама Зоя Павловна тоже воспринимала её время как совершенно свободное, потому что Ирина не получала за него зарплату.

— Я не сидела дома, — сказала она, с трудом удерживая голос. — Я занималась семьёй, Зоя Павловна. Растила Алину, помогала Павлу, приезжала сюда, когда вам было нужно. Если бы я работала, вы ведь не смогли бы просто позвонить мне утром и попросить отвезти вас к врачу. Пришлось бы договариваться заранее или искать кого-нибудь другого. Неужели это так трудно понять?

Свекровь обиженно выпрямилась. Она посмотрела на невестку с таким выражением, словно та предъявляла ей совершенно несправедливые обвинения, и несколько секунд молчала. Потом медленно поставила чашку на блюдце и произнесла то, от чего Ирине окончательно расхотелось продолжать разговор.

— Ну а что тебе мешало помогать? — спросила Зоя Павловна, разводя руками. — Ты ведь всё равно не работала, тебе не нужно было ни у кого отпрашиваться. Я же не каждый день в больницу ездила, в основном ты просто продукты привозила или помогала немного по дому. Не понимаю, зачем теперь считать каждую мелочь, будто я тебе всю жизнь испортила.

Ирина смотрела на неё, не находя слов. Она совсем не собиралась предъявлять свекрови счёт за годы помощи и даже сейчас не жалела, что заботилась о ней. Но услышать, что её труд воспринимали как ничего не стоящую мелочь, оказалось невыносимо. Она вспомнила дни, когда возвращалась от Зои Павловны поздно вечером, а дома ещё нужно было готовить ужин и заниматься хозяйством. Вспомнила, как иногда уставала настолько, что плакала в ванной, чтобы Павел не увидел, и как на следующее утро всё равно ехала сюда, потому что свекровь ждала.

— Я никогда не считала, сколько для вас сделала, — произнесла Ирина, и голос её дрогнул. — Мне даже в голову не приходило, что когда-нибудь придётся об этом говорить. Я помогала, потому что вы мне родной человек, потому что люблю вас и потому что мы были семьёй. А теперь получается, что всё это ничего не значило, потому что мне не надо было отпрашиваться с работы.

Зоя Павловна опустила глаза. Она, кажется, впервые услышала в голосе невестки не только обиду, но и настоящее отчаяние. Однако признать собственную неправоту ей было

трудно. Вместо этого свекровь вздохнула и сказала, что сейчас они обе слишком взволнованы, а после развода всё постепенно наладится.

Ирина поняла, что больше не выдержит. Она поднялась, собрала оставшиеся документы и положила их в сумку. Зоя Павловна тревожно посмотрела на неё, будто только теперь догадалась, что разговор может закончиться не привычным примирением за чашкой чая. Ирина застегнула сумку и прошла в прихожую, стараясь не торопиться, потому что не хотела выглядеть человеком, который убегает после ссоры.

— Ты куда собралась? — спросила свекровь, следуя за ней. — Мы же ещё толком не поговорили. Я думала, ты хотя бы останешься пообедать, а потом вместе посмотрим, что нужно докупить для комнаты. Ты ведь не собираешься опять ехать к Светлане?

— Собираюсь, — ответила Ирина, надевая куртку. — Я пока живу у неё и никуда переезжать не буду. Мне нужно разобраться с Павлом, понять, что происходит с домом и деньгами. И я не хочу сейчас обсуждать, какие вещи привезти сюда. Пожалуйста, больше не договаривайтесь с ним за меня.

Зоя Павловна остановилась возле двери. На её лице появилось такое растерянное выражение, что Ирина едва не почувствовала привычное желание обнять её и объяснить, что всё обязательно будет хорошо. Но потом вспомнила слова о том, что ей не нужно было отпрашиваться с работы, и удержалась. Свекровь несколько секунд молчала, потом осторожно спросила, неужели невестка теперь совсем перестанет ей помогать.

— Я не собираюсь вас бросать, — ответила Ирина, уже не скрывая слёз. — Но больше не хочу, чтобы за меня решали, когда я должна приезжать и чем заниматься. Если вам понадобится помощь, будем разговаривать и договариваться. Только жить здесь потому, что Павлу так удобнее, я не стану. Не просите меня об этом, пожалуйста.

Она поцеловала свекровь в щёку и вышла, не дожидаясь ответа. Зоя Павловна осталась стоять возле открытой двери, придерживаясь рукой за косяк. Ирина слышала, как она тихо позвала её по имени, но не вернулась. Уже на лестнице ей захотелось остановиться, подняться обратно и хотя бы обнять пожилую женщину, которая наверняка чувствовала себя обиженной и одинокой. Однако Ирина понимала, что стоит ей сейчас вернуться, как разговор опять закончится обещанием всё устроить и обо всех позаботиться. Она спустилась во двор и села в машину, так и не достав из сумки ничего, кроме привезённых лекарств.

Двигатель она завела не сразу. Несколько минут сидела, глядя на мокрый асфальт и людей, проходивших мимо подъезда. Ей было стыдно за резкость, жалко свекровь и одновременно хотелось закричать от несправедливости. Зоя Павловна действительно была ей близка, и Ирина не хотела превращать годы хороших отношений в перечень взаимных обид. Но теперь она впервые увидела, насколько удобно всем было считать её свободное время неограниченным. Павел мог работать, Алина заниматься собственной жизнью, свекровь рассчитывать на помощь, а Ирина всегда находилась рядом, готовая подстроиться под каждого.

По дороге к Светлане она несколько раз возвращалась мыслями к разговору. Особенно больно было вспоминать приготовленную комнату. Зоя Павловна искренне старалась сделать её уютной, постелила чистое бельё, поставила фиалку на подоконник, освободила шкаф. Ирина понимала, что свекровь не хотела сознательно причинить ей боль. Но от этого предложение становилось ещё унизительнее: никто даже не сомневался, что после тридцати двух лет брака ей будет достаточно маленькой комнаты, возможности помогать по хозяйству и обещанных Павлом денег на продукты.

Она приехала к Светлане раньше, чем собиралась. Подруга работала дома за компьютером и открыла дверь с телефонной гарнитурой на шее. Увидев лицо Ирины, она молча пропустила её внутрь, закончила разговор и только потом спросила, удалось ли договориться со свекровью. Ирина отрицательно покачала головой, сняла куртку и прошла на кухню. Ей совсем не

хотелось снова подробно пересказывать случившееся, но Светлана не торопила и не задавала лишних вопросов.

— Она правда считает, что делает мне большое одолжение, — сказала Ирина, когда они сели за стол. — Комнату приготовила, бельё постелила, даже место для платьев освободила. А потом объяснила, что я ведь не работала, поэтому мне ничего не мешало все эти годы ей помогать. Представляешь, Света, я услышала почти то же самое, что вчера от Павла.

Светлана нахмурилась, но не стала сразу возмущаться. Она давно знала Зою Павловну и понимала, что та привыкла воспринимать заботу невестки как естественную часть семейной жизни. Ирина рассказала о комнате, об обещанных деньгах на продукты, о разговоре насчёт работы и о том, как свекровь обиделась на её отказ переезжать. По мере рассказа ей становилось легче, хотя от отдельных воспоминаний снова подступали слёзы. Светлана выслушала всё до конца и только потом поставила перед подругой чашку чая.

— Знаешь, что меня больше всего поражает? — сказала она, садясь напротив. — Они ведь даже не допускают, что ты можешь захотеть чего-нибудь другого. Павел решил жить с новой женщиной, Алина ждёт денег на квартиру, Зоя Павловна приготовила тебе место. Все заняты собственными планами, а ты должна просто выбрать, как удобнее их выполнить. Ира, мне кажется, тебе пока лучше не обещать никому ничего.

— Я и не обещала, — ответила Ирина, но тут же вспомнила, как едва не вернулась к свекрови после ссоры. — Только мне так жалко её стало. Она ведь старалась, всё приготовила, а я ушла и даже пообедать не осталась. Теперь будет думать, что я обиделась на неё из-за Павла.

— Может, и будет, — согласилась Светлана, пододвигая подруге сахарницу. — Но ты ведь не отказываешься от неё совсем. Просто не собираешься переселяться туда, куда тебя отправили без твоего согласия. Думаю, она постепенно поймёт разницу, если вы обе перестанете разговаривать только о том, что нужно Павлу.

Ирина долго сидела за столом, глядя на чашку. Ей хотелось поверить, что отношения со свекровью ещё можно сохранить, но сейчас все мысли неизменно возвращались к мужу. Она представляла его в их доме, где Алёна, возможно, уже ходит по комнатам, примеряет к окнам новые шторы и обсуждает будущую мебель. Павел всегда любил красивую обстановку, но сам почти никогда не интересовался, сколько времени нужно потратить на то, чтобы дом выглядел уютным. Теперь он собирался передать всё другой женщине и считал, что Ирина должна спокойно принять это.

Ближе к вечеру Светлана ушла в магазин, предложив Ирине немного отдохнуть. Та поднялась в гостевую комнату, открыла окно и села возле небольшого стола. На улице по-прежнему моросил дождь, воздух пах мокрой листвой, а где-то во дворе шумели дети. Ирина достала телефон и снова открыла переписку с Павлом. Последним оставалось вчерашнее сообщение о том, что деньги она получит после подписания соглашения. Она перечитала его, почувствовала привычную злость и уже собиралась убрать телефон, когда вдруг вспомнила одну из их давних поездок.

Это было ещё до рождения Алины. Они с Павлом поехали на несколько дней в небольшой городок у озера, сняли комнату в старой гостинице и почти всё время гуляли. У Павла тогда не было собственного дела, он работал обычным менеджером и получал не слишком большую зарплату. Ирина тоже работала в библиотеке, и денег у них постоянно не хватало. Но они были счастливы, потому что строили планы, обсуждали будущее, спорили о том, где лучше жить, и смеялись над собственными мечтами. Однажды вечером Павел сказал, что обязательно заработает достаточно, чтобы Ирина могла заниматься тем, что любит, и никогда не думала о деньгах. Она тогда обняла его и ответила, что ей ничего не нужно, лишь бы они оставались вместе.

Воспоминание оказалось таким живым, что Ирина неожиданно заплакала. Ей вдруг захотелось услышать голос того молодого Павла, который когда-то держал её за руку на берегу озера и обещал, что они справятся с любыми трудностями. Она понимала, что муж изменился,

что вчера он сознательно унижал её и пытался оставить без денег. Но где-то внутри продолжала жить мучительная надежда, что прежний человек ещё существует и просто не понимает, насколько жестоко поступает. Ирина несколько минут смотрела на его имя в телефоне, потом всё-таки нажала кнопку вызова.

Павел ответил не сразу. На заднем плане слышалась музыка, чей-то смех и негромкие голоса. Ирина почувствовала резкий укол ревности, представив, что он находится с Алёной, но заставила себя не спрашивать об этом с первых слов. Ей хотелось поговорить спокойно, без крика, хотя сердце билось так сильно, что она едва могла произнести приветствие.

— Паша, это я, — сказала она, услышав его голос. — Ты можешь сейчас поговорить? Мне нужно кое-что спросить, только, пожалуйста, не начинай сразу сердиться. Я сегодня была у твоей мамы, и после этого весь день думаю о нас.

Павел несколько секунд молчал, потом попросил кого-то подождать и, судя по звукам, вышел в более тихое место. Когда он заговорил снова, голос стал привычно спокойным, почти усталым. Ирина сразу почувствовала, как сильно соскучилась по этому голосу, и рассердилась на себя за непрошеное облегчение.

— Мать мне уже звонила, — сказал Павел. — Расстроилась, что ты отказалась оставаться. Ира, ну зачем было с ней ссориться? Она ведь хотела помочь, а теперь переживает, будто ты на неё обиделась. Я же просил решить всё спокойно, без лишних конфликтов.

— Я не ссорилась с ней специально, — ответила Ирина, стараясь говорить ровно. — Просто не хочу переезжать в приготовленную комнату, пока мы с тобой даже не разобрались, что происходит. Паша, мне очень тяжело от того, что ты всё решил без меня. Я ведь до позавчерашнего дня даже не знала, что ты собираешься разводиться.

— Мы уже говорили об этом, — заметил Павел с лёгким раздражением. — Я понимаю, что для тебя всё произошло неожиданно, но бесконечно возвращаться к одному и тому же бессмысленно. Лучше подумать, как нам нормально расстаться, чтобы потом не стыдно было друг другу в глаза смотреть.

Ирина прижала телефон к уху и закрыла глаза. Она хотела спросить совсем другое, но опять оказалась втянута в разговор об условиях расставания. Несколько секунд ей казалось, что проще согласиться с мужем, выслушать его предложения и отложить собственные чувства до другого времени. Потом она вспомнила, зачем позвонила, и заставила себя заговорить.

— Паша, я хотела спросить не про деньги, — произнесла она, чувствуя, как голос начинает дрожать. — Скажи мне, пожалуйста, когда ты перестал меня любить? Только не надо опять говорить, что мы давно живём как соседи. Я ведь не знала, что ты так считаешь. Мы вместе ужинали, ездили к Алине, обсуждали отпуск. Когда всё изменилось?

Павел тяжело вздохнул. Ирина услышала, как он что-то передвинул, потом негромко кашлянул, словно собирался ответить на давно надоевший вопрос. Его молчание растянулось настолько, что она уже решила, будто связь прервалась.

— Ира, разве можно назвать какой-то конкретный день? — спросил он наконец. — Мы давно отдалились друг от друга, просто ты не хотела этого замечать. Я приходил домой и понимал, что мы совершенно разные люди. Тебе достаточно было дома, привычных забот и разговоров о семье, а мне хотелось чего-то другого. Не думаю, что здесь есть смысл искать виноватых.

— Но ты же никогда мне этого не говорил, — возразила она, с трудом удерживая слёзы. — Я ведь спрашивала, почему ты стал таким раздражительным. Помнишь, весной предлагала поехать куда-нибудь вдвоём? Ты сказал, что не можешь оставить работу. А летом обещал, что осенью обязательно выберемся хотя бы на несколько дней. Я ждала, Паша. Я действительно думала, что у нас просто трудное время.

— Именно поэтому я и не хотел начинать разговор раньше, — ответил Павел. — Ты бы всё равно пыталась что-нибудь исправить, искать причины, устраивать поездки. А я уже

понимал, что не хочу продолжать прежнюю жизнь. Не надо теперь мучить себя вопросами, на которые нет хорошего ответа.

Ирина вспомнила озеро, маленькую гостиницу и молодого мужа, который обещал ей счастливую жизнь. Воспоминание оказалось настолько болезненным, что она не смогла сдержать рыдания. На другом конце провода Павел замолчал, и это молчание она неожиданно приняла за сочувствие. Ей захотелось рассказать ему о той поездке, напомнить, какими они были, и хотя бы ненадолго вернуть прежнюю близость.

— А помнишь, мы когда-то ездили на озеро, ещё до Алины? — спросила Ирина, вытирая слёзы. — Мы тогда почти без денег были, но так хорошо провели время. Ты говорил, что однажды у нас будет большой дом и мы сможем путешествовать сколько захотим. Паша, я ведь всё это помню. Неужели для тебя оно теперь совсем ничего не значит?

Павел снова помолчал. Ирина почти физически почувствовала, как он подбирает слова, и на мгновение ей показалось, что сейчас муж наконец скажет что-нибудь настоящее, связанное с их прошлым. Она даже перестала плакать, прислушиваясь к его дыханию.

— Конечно, я помню, — ответил он заметно мягче. — И не собираюсь отрицать, что у нас было много хорошего. Мы прожили вместе большую часть жизни, вырастили дочь, создали нормальную семью. Именно поэтому я хочу расстаться с тобой без взаимной ненависти. Мне бы хотелось, чтобы мы сохранили хорошие отношения и могли спокойно общаться после развода.

Ирина почувствовала, как внутри появляется осторожная надежда. Павел впервые за последние дни заговорил о прошлом без раздражения, признал, что между ними было хорошее, и даже произнёс слова о сохранении отношений. Ей захотелось поверить, что за этим последует что-нибудь ещё, хотя разум подсказывал, насколько опасно снова ожидать от него нежности. Она придвинулась ближе к окну и сжала телефон обеими руками.

— А ты совсем ничего ко мне больше не чувствуешь? — спросила она тихо. — Паша, я ведь не прошу тебя сейчас принимать какие-то решения. Просто скажи честно, осталась ли у тебя хоть какая-то любовь ко мне. Неужели тридцать два года можно вот так взять и перечеркнуть?

На другом конце раздался негромкий вздох. Павел явно не хотел отвечать прямо, и Ирина почувствовала это ещё до того, как он заговорил. Но ей было настолько важно услышать хоть что-нибудь обнадёживающее, что она продолжала ждать, боясь нарушить молчание.

— Я хорошо к тебе отношусь, Ира, — произнёс муж после паузы. — И очень не хочу, чтобы мы превратились во врагов. Но любовь уже не та, что раньше, и пытаться вернуть прошлое бессмысленно. Давай хотя бы сохраним уважение друг к другу. Я ведь предлагаю тебе нормальный выход из ситуации, а ты пока воспринимаешь всё как нападение.

Ирина почувствовала укол разочарования, но всё ещё цеплялась за мягкость его голоса. Он говорил спокойно, не обвинял её в истерике и даже несколько раз назвал по имени так, как делал раньше. Ей вдруг захотелось рассказать, как тяжело было стоять возле кассы с заблокированной картой, но она испугалась, что разговор опять превратится в ссору. Вместо этого Ирина спросила, действительно ли нельзя хотя бы попробовать пожить отдельно и не торопиться с разводом.

— Паша, может быть, мы всё-таки не будем спешить? — предложила она, чувствуя, как снова начинает дрожать голос. — Я не прошу тебя сейчас возвращаться ко мне и делать вид, что ничего не случилось. Просто давай немного подождём, поговорим, подумаем. Столько лет вместе прожили, неужели несколько недель что-то изменят?

Павел ответил не сразу. Ирина услышала, как он негромко произнёс кому-то, что скоро вернётся, и поняла, что муж всё ещё находится среди людей. Ей стало неприятно представлять его рядом с Алёной, но она заставила себя не спрашивать, где он сейчас. Павел же, судя по голосу, уже решил, как закончить разговор.

— Я думаю, нам не стоит затягивать, — сказал он, сохраняя мягкий тон. — Чем дольше будем тянуть, тем тяжелее тебе потом окажется. Если хочешь, давай завтра утром встретимся и спокойно подпишем соглашение. После этого ты получишь деньги и сможешь распоряжаться ими сама. Мне бы очень хотелось, чтобы мы расстались нормально, без всех этих неприятных разговоров.

Ирина закрыла глаза. Ей хотелось возразить, напомнить про дом и унизительные условия, но теперь муж разговаривал с ней почти ласково. Он даже не сердился, когда она плакала, и от этого казалось, что между ними ещё сохранилось что-то прежнее. Ирина вдруг поймала себя на мысли, что готова согласиться на встречу просто ради возможности снова увидеть его спокойным, услышать знакомый голос и хотя бы ненадолго перестать чувствовать себя отвергнутой.

— Хорошо, Паша, — тихо ответила она, вытирая щёки. — Давай завтра поговорим. Только я не обещаю ничего сразу подписывать, мне надо ещё разобраться. Я просто хочу, чтобы мы хотя бы один раз поговорили нормально, без посторонних и без крика.

— Вот и договорились, — заметно оживился Павел. — Я знал, что ты сможешь посмотреть на всё разумно. Тогда давай в десять, у меня как раз будет свободное время. Приезжай с документами, и всё спокойно решим. Не переживай так, Ира, жизнь ведь на этом не заканчивается.

Он попрощался и отключился. Ирина ещё несколько секунд держала телефон у уха, прислушиваясь к коротким гудкам. Потом медленно опустила руку и посмотрела на тёмное окно, в котором отражалось её заплаканное лицо. Ей стало немного легче от того, что Павел не кричал и не оскорблял её, но вместе с облегчением появилось неприятное ощущение, будто она только что на что-то согласилась, не вполне понимая последствия. Ирина попыталась вспомнить последние слова мужа и обнаружила, что снова думает прежде всего о том, каким мягким был его голос.

Когда Светлана вернулась из магазина, она застала подругу возле письменного стола. Ирина раскладывала бумаги из папки, выравнивала листы и искала паспорт, который положила в боковой карман сумки. Светлана остановилась в дверях, несколько секунд наблюдала за ней и только потом спросила, что происходит. Ирина рассказала о разговоре с Павлом, стараясь подчеркнуть, что он впервые за последние дни говорил спокойно и не пытался её унижать.

— Мы завтра встретимся, — объяснила она, укладывая документы обратно. — Он сказал, что не хочет превращаться во врагов и что помнит всё хорошее между нами. Я понимаю, что это ещё ничего не значит, Света, но мне так хотелось наконец поговорить с ним по-человечески. Может быть, если мы спокойно всё обсудим, он хотя бы перестанет относиться ко мне как к чужой.

Светлана поставила пакеты на пол и медленно подошла к столу. Она посмотрела на бумаги, затем на Ирину и осторожно спросила, о чём именно муж предложил поговорить. Ирина растерялась, потому что сейчас, пересказывая разговор, сама начинала замечать неприятную подробность: каждый раз, когда она спрашивала о чувствах и прошлом, Павел возвращался к подписанию соглашения. Светлана не стала перебивать её, только попросила ещё раз рассказать, какие слова он произнёс перед тем, как назначить встречу.

— Он сказал, что хочет сохранить хорошие отношения, — повторила Ирина, уже не так уверенно. — И что мне будет легче, если мы быстрее всё решим. А потом предложил завтра приехать с документами. Но я же сказала, что ничего сразу подписывать не обещаю, Света. Я действительно только хотела с ним поговорить.

Светлана села на край стула и посмотрела на подругу с таким выражением, что Ирине сразу стало не по себе. Она приготовилась услышать упрёки за собственную слабость, но Светлана заговорила спокойно, словно обсуждала обычное дело, в котором требовалось сначала разобраться.

— Ира, ты ведь вчера рассказывала, что он отключил тебе карту, — напомнила она, осторожно придвигая папку к себе. — Сегодня его мать ждёт тебя с вещами, а завтра он предлагает подписать бумаги, по которым ты должна оставить ему почти всё имущество. Неужели ты сама не видишь, почему он вдруг стал таким ласковым? Он услышал, что ты готова уступить ради хорошего отношения, и сразу предложил удобный для себя выход.

Ирина опустила глаза. Ей не хотелось признавать, насколько точно подруга описала произошедшее, потому что тогда пришлось бы окончательно отказаться от надежды на прежнего Павла. Она взяла папку и прижала её к груди, словно хотела защитить от чужих замечаний не бумаги, а собственные чувства. Светлана заметила это движение и не стала продолжать в том же тоне.

— Я не говорю, что тебе нельзя с ним разговаривать, — добавила она мягче. — Только сначала узнай, от чего именно он предлагает отказаться. Мы ведь уже записались на консультацию, и её можно пройти до встречи с ним. Я позвоню завтра утром, попрошу перенести разговор с Павлом хотя бы на послеобеденное время. Или ты сама ему напиши, что сначала хочешь разобраться с документами.

— Он рассердится, — неожиданно для самой себя сказала Ирина. — Я ведь уже согласилась приехать в десять. Он решит, что я опять начинаю ему мешать, и мы снова поссоримся. Мне так не хочется ещё одного скандала, Света, я уже совершенно не выдерживаю.

Светлана посмотрела на неё с нескрываемой жалостью, но не стала утешать привычными словами. Она взяла со стола телефон Ирины, положила рядом и предложила просто сообщить мужу, что встреча переносится. Никаких объяснений о консультации давать не обязательно, достаточно сказать, что документы ещё не изучены. Ирина несколько секунд сидела неподвижно, потом взяла телефон и написала короткое сообщение. Перед отправкой перечитала его трижды, опасаясь, что Павел сочтёт тон вызывающим.

Ответ пришёл почти сразу. Муж написал, что не понимает, зачем она снова всё усложняет, но согласен поговорить позднее, если к тому времени Ирина будет готова принять разумное решение. Она показала сообщение Светлане, и та только покачала головой. Ирина же почувствовала неприятное облегчение: Павел рассердился, но не настолько сильно, как она боялась. Ей стало стыдно оттого, что даже небольшое самостоятельное решение далось с таким трудом.

Вечер они провели почти молча. Светлана занималась своими делами, иногда заходила к подруге с чаем или спрашивала, не нужно ли чего-нибудь. Ирина то читала несколько страниц книги, то откладывала её и снова брала телефон. Она пыталась представить завтрашнюю консультацию, но мысли всё время возвращались к Павлу. Ей хотелось верить, что он действительно помнит их молодость, что слова о хороших отношениях были искренними и что развод ещё можно пережить без окончательного разрушения всего привычного. Но стоило вспомнить Алёну возле окна или приготовленную свекровью комнату, как надежда сменялась такой злостью, что Ирина начинала ходить по комнате, не находя себе места.

Перед сном она снова открыла папку и попыталась прочитать предложенное соглашение. Первые строки казались понятными, но дальше начинались перечисления имущества, суммы и условия, от которых у неё быстро заболела голова. Ирина всегда доверяла Павлу подобные вопросы. Она знала, сколько стоят продукты, когда нужно оплачивать счета, какие расходы предстоят по дому, но никогда не интересовалась, как именно муж оформляет крупные покупки или распоряжается долей в компании. Теперь отсутствие этих знаний казалось ей собственным позором. Она закрыла папку и долго сидела перед столом, пытаясь понять, как могла прожить столько лет, не представляя, что однажды ей придётся защищать себя от человека, которому доверяла больше всех.

В какой-то момент Ирина снова рассердилась на Алину. Дочь так и не позвонила после вчерашнего разговора, хотя наверняка знала, что мать осталась у Светланы. Ирина хотела напи-

сать ей длинное сообщение, рассказать о поездке к бабушке и о том, как Павел разговаривал с ней вечером. Но потом вспомнила слова дочери о первом взносе за квартиру и отложила телефон. Она не хотела снова услышать, что мешает чужим планам, хотя прекрасно понимала, что рано или поздно им придётся поговорить.

Ночью Ирина несколько раз просыпалась. Ей снился дом, в котором Алёна переставляла мебель, а Павел требовал освободить шкафы. Потом она увидела во сне маленькую Алину, которая стояла возле двери школьного класса и звала её, но Ирина никак не могла подойти. Проснувшись, она долго лежала в темноте, прислушиваясь к звукам чужой квартиры. За стеной тихо работал холодильник, в коридоре скрипнула половица, а из открытой форточки доносился шум редких машин. Ирина чувствовала себя совершенно одинокой, хотя Светлана спала всего в нескольких метрах от неё.

Под утро она наконец задремала, а когда проснулась, увидела, что до назначенной консультации осталось меньше двух часов. Пришлось торопливо умываться, искать подходящую одежду и снова проверять документы. Светлана приготовила завтрак, но Ирина почти ничего не смогла съесть. Ей казалось, что сейчас она отправится на какой-то неприятный экзамен, где придётся объяснять чужому человеку, почему не сумела сохранить семью и оказалась совершенно неподготовленной к самостоятельной жизни.

По дороге она несколько раз хотела попросить Светлану поехать вместе, но так и не решилась. Подруга предложила подвезти её, однако Ирина отказалась, сказав, что сама доберётся на машине. Ей важно было хотя бы сейчас сделать что-нибудь без посторонней помощи, пусть даже обычная поездка в незнакомое учреждение вызывала непривычное волнение. Светлана проводила её до двери, напомнила адрес и попросила не торопиться с выводами, какие бы слова она ни услышала. Ирина кивнула, поправила сумку на плече и вышла, стараясь не думать о том, что после консультации придётся снова разговаривать с Павлом.

Небольшая контора находилась на втором этаже старого здания недалеко от центра. Ирина поднялась по лестнице, остановилась возле двери с аккуратной табличкой и некоторое время собиралась с духом, прежде чем войти. За стойкой сидела молодая девушка, которая вежливо попросила подождать несколько минут. В приёмной стояли два кресла, небольшой столик с журналами и горшок с фикусом возле окна. Всё выглядело совершенно обычно, и от этого Ирине стало ещё неловче: она ожидала какого-то особенного места, где будут заниматься её разрушенной жизнью, а попала в спокойный офис, куда люди приходили со своими повседневными неприятностями.

Когда её пригласили, Ирина вошла в небольшой кабинет и поздоровалась с женщиной лет пятидесяти, сидевшей за письменным столом. Та представилась, предложила присесть и спросила, с каким вопросом она обратилась. Ирина достала папку, положила её перед собой и вдруг почувствовала, как к глазам подступают слёзы. Она всю дорогу готовилась рассказывать об измене, доме и деньгах, но теперь не могла решить, с чего начать. Женщина терпеливо подождала, не торопя её, и Ирина наконец заговорила.

— Мы с мужем прожили тридцать два года, — сказала она, стараясь не смотреть на собеседницу. — Он недавно объявил, что у него другая женщина, и хочет развестись. Предложил мне подписать вот эти бумаги, но я не очень понимаю, правильно ли он всё написал. Дело в том, что я действительно давно нигде не работала. Муж обеспечивал семью, а я занималась дочерью, домом и его матерью. И теперь он говорит, что всё имущество принадлежит ему, потому что деньги зарабатывал только он.

Она замолчала и опустила глаза на сложенные перед собой руки. Ей казалось, что женщина напротив сейчас спросит, почему она не подумала о будущем раньше, не устроилась на работу и позволила мужу распоряжаться всеми семейными деньгами. Ирина уже приготовилась объяснять, как складывалась их жизнь, и почему когда-то считала собственное решение правильным. Она достала из папки первый лист соглашения, аккуратно разгладила его на столе

и тихо добавила, что не хочет отнимать у мужа заработанное, но ей страшно остаться совсем без ничего.

Женщина взяла документы и начала внимательно читать. Ирина сидела напротив, боясь пошевелиться, и чувствовала, как сильно дрожат её пальцы. За окном кто-то разговаривал по телефону, в коридоре негромко закрылась дверь, а на письменном столе мерно тикали небольшие часы. Она смотрела на чужие руки, перелистывающие бумаги, и впервые за последние дни ждала ответа от человека, который не был связан ни с Павлом, ни с Алиной, ни с его матерью. Ей хотелось услышать хотя бы то, что она имеет право не соглашаться сразу, но она всё ещё боялась, что муж действительно всё предусмотрел и ей останется только принять приготовленную для неё комнату.

Глава 4. Я ничего не подпишу

Женщина за письменным столом внимательно перелистала документы, вернулась к первой странице и ещё раз прочитала несколько строк, подчеркнув что-то карандашом. Ирина сидела напротив, сложив руки на коленях, и старалась не смотреть на часы. Ей казалось, что про

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.